

РОБЕР ДЖ. ГОЛЬЯРД

КРУГ
ЗЕМНОЙ

Сказания о Корнваллисе

18+

Робер Дж. Гольярд

Круг земной

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Робер Дж. Гольярд

Круг земной / Робер Дж. Гольярд — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Самостоятельный роман тетралогии "Сказания о Корнваллисе". «В году 173-ем от Основания, в 12-й год правления его милости Алейна, светлейшего герцога Бедвира, войско упомянутого герцога было разбито королём Мередибдом Уриеном в сражении при селении Дарм, что на Северном тракте. И бежал герцог Алейн, преследуемый Мередибдом по пятам, до самого Подгорья. Тогда герцог во главе доблестных своих воинов, оставшихся числом не более полутора тысяч, направился в город-замок Бреотигерн, наказав своему племяннику Гутруму с двумястами ратниками оборонять проход в свои земли, каковой имелся всего один, меж Нордмонтских скал и Круаховой топью. И в тот же год, в месяц Лосося, те земли поглотила тьма» (Флодоард Рейхский. Хроники Бедвира, гл. XXVII). Не ходите гулять на болота. Вы можете попасть в мир, который не захочет вас отпускать.

© Робер Дж. Гольярд, 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Разумеется, рукопись	5
Пролог	8
Книга первая. Град Божий	13
Глава 1. Родрик	13
Глава 2. Круахова топь	20
Глава 3. Добрые жители селения Кадван	27
Глава 4. Снежинка	34
Глава 5. Очищение	42
Глава 6. Ветер	50
Глава 7. Зима	57
Interludium. Алун	63
Глава 8. Плуг и борозда	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Робер Дж. Гольярд

Круг земной

Разумеется, рукопись

История королевства Корнваллис полна загадок и неточностей. Первая его известная летопись была составлена неким Гайверном, прибывшем сюда на корабле Эдгара Длинная Шея. Перу Гайверна принадлежит «Хроника корнов», увы, не законченная, и сохранившаяся до настоящего времени лишь во фрагментах. Из неё мы знаем об обстоятельствах завоевания, а также (во многих подробностях) историю знаменитой Войны Цветов, вспыхнувшей между бывшими собратьями по оружию и закончившейся поражением Эдгара. Сам Гайверн, выполнявший роль советника первого короля, после этих событий был вынужден удалиться в изгнание, и рукопись «Хроники» обнаружили спустя много лет после его смерти.

Наступившая эпоха Семикоролевья только добавила путаницы: в каждом из княжеств велись свои летописи, причём за начало изложения принимался либо год отплытия корнов из Скандора, либо момент их высадки в Корнваллисе, либо год создания королевства Эдгара, либо, наконец, начало правления их собственного герцога, первого после Войны Цветов, причём во всех случаях за точку отсчёта принимался произвольный Год Основания, якобы один и тот же для всех хроник.

Когда при Мередиdde Уриене королевство было объединено вновь, казалось бы, хронологической путанице пришёл конец, однако предыдущая история оказалась перечёркнута. Мередиdd словно стремился стереть из памяти потомков воспоминания о тех временах, когда королевская власть была слаба и испытывала бесконечные унижения от её же подданных, и приложил все усилия к тому, чтобы переписать историю корнов. При нём был начат объёмный труд, известный как «Хроники королевства Корнваллис», представлявший собой механическое объединение известных на тот момент исторических сочинений. В «Хрониках» изложение событий, связанных с периодом Семикоролевья, намеренно опускалось либо сжималось до минимума. Та же участь постигла «Историю Каменного короля Мередиdda Уриена», составленную ещё при жизни Собирателя королевства. Если перечень его славных деяний в первые шесть лет правления занимает сорок семь глав, то события Войны Теней и история объединения государства уместились всего в две, причём изложенные туманным и велеречивым языком.

Некое подобие порядка наступило с восшествием на престол Ллойна Длиннобородого, после которого королевство на протяжении почти полутора столетий не знало значительных потрясений, но царствование Идриса Леолина внесло свои коррективы. Упорное насаждение культа Троединых богов и искоренение старой веры вследствие излишнего рвения исполнителей нередко сопровождалось бессмысленным уничтожением древних манускриптов, так что в настоящее время мы можем лишь приблизительно восстановить хронологию основных событий истории Корнваллиса. Тэлисин-Скорород, оставивший подробное описание своих странствий по королевству, вставил в свою книгу меткое замечание, достаточно точно характеризующее сложившееся положение вещей: «Наше прошлое, – написал он, – непредсказуемо».

Тем не менее, именно «Хроники королевства Корнваллис»¹, как бы дурно они не были скомпилированы и структурированы, обратили на себя внимание автора этих строк. Во время поездки в Дурбан внезапная непогода заставила нас сделать небольшой крюк до местечка Туан, ещё во времена первых Эдгариддинов превратившегося из простой деревеньки в настоящее

¹ Paralipomenon regnum Cornwallis. Parisiis, apud Umberto, ad Pontem S. Michaelis, MDCCXXI, cum privilegio Regis («Хроники королевства Корнваллис», Париж, типография Умберто, у моста Сен-Мишель, 1721, с разрешения короля).

царство храмов и монастырей. Недельный постой вынудил скучающих путников свести близкое знакомство с библиотекой Суонской обители, где мы имели возможность ознакомиться с одним из томов сего объёмного манускрипта и, как выяснилось, весьма вовремя: всего лишь тремя месяцами позже это богатейшее хранилище древних рукописей было почти полностью уничтожено пожаром.

Книга четвёртая названного сочинения содержит выдержки из известного труда Флодоарда Рейхского «Хроники Бедвира», полностью не сохранившегося, но, по счастью, в значительных объёмах скопированного и включённого в «Историю Каменного короля Мередида Уриена». В главе XXVII мы обнаружили упоминание о загадочном явлении, случившемся во время знаменитой Войны Теней:

«В году 173-ем от Основания, в 12-й год правления его милости Алейна, светлейшего герцога Бедвира, войско упомянутого герцога было разбито королём Мередидом Уриеном в сражении при селении Дарм, что на Северном тракте. И бежал герцог Алейн, преследуемый Мередидом по пятам, до самого Подгорья. Тогда герцог во главе доблестных своих воинов, оставшихся числом не более полутора тысяч, направился в город-замок Бреотигерн, наказав своему племяннику Гутруму с двумястами ратниками оборонять проход в свои земли, каковой имелся всего один, меж Нордмонтских скал и Круаховой топью. И в тот же год, в месяце Лосося, те земли поглотила тьма».

К сожалению, Флодоард никак не поясняет сути случившегося, однако же доподлинно известно, что после этих событий та часть герцогства Бедвир, что примыкала к Круаховой Топи, до того славившаяся богатыми лесами и развитой торговлей, обезлюдела и оказалась заброшена.

Следующий отрывок написан безымянным автором, и присутствует только в «Хрониках королевства Корнваллис» в качестве примечания к сочинению Флодоарда (та же гл. XXVII книги четвёртой). Согласно приписке самого летописца, этот отрывок, найденный в часовне св. Гильдаса в селении Ладлоу, скорее всего, некогда являлся частью большой рукописи, однако отсутствие датировки, имён, а также его неинформативность и малопонятность явились для древних авторов вполне достаточным основанием для того, чтобы впоследствии вовсе игнорировать само его существование:

«...в послании, которое скорее выплакано мною, нежели просто запечатлено на пергамене, я вовсе не смотрю с презрением на окружающих меня людей, но лишь слёзно оплакиваю умножение зла. Как мне, убогому, найти силы, чтобы взвалить на себя ношу, подобающую пастырю, а именно противостоять натиску столь разрушительной бури и нарастающему валу злодейства? Но не могу я видеть это и молчать; это все равно что сказать ноге «не ходи», а уху «не слушай».

Ибо в последнее время всевозможные дикие твари начали приносить в своих гнусных пастьях смертную траву ересей и ядовитыми зубами вгрызаться в землю, где до того всегда рады были слушать доброе слово и не желали ничего дурного.

Они раздувают угольки грехов, тлеющие в человеческих душах, и народ божий, словно напившись вина, становится тупым и вялым, и так ослабевает от опухли злости, от лихорадки враждебности, от цепких когтей зависти, от неразличения добра и зла, что нечисть, питаясь людскими пороками, множится как листья, опадающие на землю в положенный срок, растёт числом и вздымается волнами подобно горному потоку, раздуваемому от ручьев после ливня, что шумно несётся по руслу; его бурливые воды встают до небес, и при виде этого наши глаза затмеваются из-за быстрой смены черт в его водовороте.

И ныне огонь ярости чудовищ лижет своим красным языком все западные земли. Ибо зло внутри нас.

Сейчас, в канун полнолуния месяца Жёлтенья, запершись в доме Божьем, уповаю лишь на Отца всего сущего, чтоб дал он мне силы противостоять их злой воле, когда они явятся за мной...²

Сам порядок изложения, предложенный Флодоардом, заставляет нас предположить, что речь здесь идёт о случившемся после упомянутого сражения при Дарме. Пояснения к обоим вышеприведённым цитатам отсутствуют, но, по всей видимости, только они в настоящее время могут пролить некое подобие света (весьма мутного, стоит признать) на странную историю одного малознатного рыцаря и принцессы из дома Эдгариддинов, – историю, которая могла бы считаться незначительной, если бы не её роль в пресекновении одной из древнейших монарших династий Корнваллиса.

Лонхенбург, ММХIII, R.G.G.

² По мотивам: Gildas Sapiens. Liber querulus de calamitate, excidio et conquestu Britanniae (Гильдас Мудрый. Печальная книга о бедствиях, разорении и завоевании Британии). VI-й век.

Пролог

*Тьме многое известно,
Смурны мысли мои.
Часто видела я чёрный песок,
Сжигающий зелёные поля.
Из Топи доносятся крики
Ужасно-глубоких ледяных трещин.
Биум, биум, бамбало, дилли-дилли-до,
Баюкаю я друга своего,
И чьё-то лицо все ждёт,
Да из леса глядит в окно.
Нам не стоит шуметь,
Многие крутятся здесь.
Всю ночь у окна
Слышится чье-то дыхание³.*

Порыв сквозняка, ворвавшийся в хижину, вновь затушил огонёк жертвенника. Женщина на топчане очнулась от дрёмы, вздохнула обречённо, встала и, выбрав в очаге самый яркий уголёк, принялась раздувать лучину. Та, наконец, вспыхнула, и жертвенник ожил. Глиняный, высотой не более полулоктя, с мерцающим внутри язычком пламени, он уставился на женщину глазами-дырочками, горящими красным на искусно вырезанных лицах.

Она провела пальцем по волнистым волосам одной из фигурок и попыталась улыбнуться.

– О мать Боанн, – заученно забормотала женщина, – прародительница, присутствующая всегда, распространяющаяся непрерывно и всеобъемлюще всюду... – Но тут уголки её губ предательски дрогнули, и следующее слово обернулось во вскрик.

Она была ещё совсем не стара, но с осунувшимся лицом, темнотой под глазами и уже ясно видимыми морщинками. Резко отвернувшись, она подошла к стене и принялась усердно подтыкать колышками облезлую медвежью шкуру. Хижина была бедняцкая, с вросшей в землю двускатной крышей из переплетённых ивовых прутьев, крытых густым слоем соломы. За долгую осень солома намокла, слежалась; в дырах посвистывал холодный ветер, легонько качая связки сушёных трав, свешивающихся с потолочной балки. Посреди хижины, на утоптанном полу в неглубокой яме горел очаг: кучка углей, окружённая камнями. Хижина топилась по чёрному.

Дрожащим голосом женщина тихонько запела:

*Белый замок стоит
Близ дивной плотины Биннори...*

С топчана раздался надрывный детский кашель, и мать, выронив очередную щепку, кинулась на звук.

– Эирлис, маленькая, маленькая моя, – зашептала она, – пить, хочешь пить? Отвару дам...

Ребёнок не отвечал; лишь хриплое дыхание доносилось из-под груды шкур. Женщина опять уселась рядом, но тут же вскочила, заслышав скрип кожаных петель.

³ По мотивам древнеисландской колыбельной.

– Тедгар!

Низкая дверь отворилась, и в хижину, пригнув голову, вошёл мужчина в шапке с длинными завязками и телогрейке мехом наружу. В руке он держал небольшую корзину. Потопав ногами, чтобы стряхнуть с деревянных башмаков грязь вперемешку со снегом, он поставил корзину на стол. Стол был маленький, на одной толстой ноге с остатками коры.

– Пусто. Все силки пустые, один порван. Здесь горох, капуста и сала немного. У Валды выпросил. Сказал, не даст больше, пока с тем долгом не расплачусь. Завтра поутру в Топь пойду, Брихт говорит, слышал там глухарей.

Тедгар сел на чурбак, заменявший табурет, вытянул над углями руки, натруженные и красные от холода. Подержал немного, потирая ладони; от мокрых рукавов шёл пар. Бросил хмурый взгляд на топчан.

– Как она?

Женщина всхлипнула.

– За весь день ни разу не заговорила. Не может уже говорить. – И вдруг бросилась на колени перед мужем, умоляюще сложив руки. – Тед, прошу тебя, прошу... давай отнесём её к матушке Элфгиву...

Тедгар вздрогнул.

– Нет, – пробормотал он, нерешительно мотнув головой. – Я же сказал: пойду завтра, добуду птицу...

– Не поможет твоя птица, не ест она ничего, уж весит легче пёрышка...

– О, боги... – Тедгар вскочил и принялся мерить шагами крошечную клетушку. – Уна, пойми: не время сейчас. Четырнадцатый день на исходе, луна почти полная, в лесу следов полно, сама знаешь чьих. Они готовятся, кругами ходят. Не нынче, так следующей ночью...

Слово «они» мужчина произнёс едва ли не шёпотом.

– Так сегодня последняя ночь! – надрывно выкрикнула Уна. – Последняя! А назавтра как бы хоронить её не пришлось!

– Поутру пойдём... в монастырь её отнесём.

– Нет! – Женщину била мелкая дрожь, волосы лезли ей в глаза. – Ночь им силы даёт, ты же знаешь. В монастыре отродясь никому не помогали, а матушка Элфгиву – она из наших, даром, что на той стороне живёт! И горох этот я уж лучше ей отдам, кусок в горло не лезет...

Уна замолчала, успокаиваясь, вцепившись скрюченными пальцами в подол платья.

– Праматерь сегодня два раза умирала, – прошептала она. – А ежели третий будет...

Тедгар постоял немного, прикрыв глаза и покачиваясь из стороны в сторону.

– Хорошо, – наконец, сказал он, – собирайся.

Уна опрометью кинулась к топчану. Шкуры, которыми был укутан ребёнок, она отбросила на пол, оставив одну, самую большую и тёплую на вид. Тедгар тем временем приладил на пояс тесак; подержал в руках рогатину – крепкую, с металлическим наконечником, – и с вздохом поставил её на место. Взял девочку, на мгновение судорожно прижал бесчувственное тело к груди.

– Да поможет нам Эогабал... – и решительно шагнул за порог.

* * *

Уна набросила на плечи дерюжный плащ, прикрыла дверь, опустила засов. Ни замка, ни другого запора на двери больше не имелось: взять в хижине было нечего, даже если кому и пришло бы в голову ради такого дела ночью пробираться вглубь леса. Их жилище стояло на отшибе, в полумиле от селения; Тедгар был углежогом.

На тёмном небе, насаживаясь на вершины елей, висела луна, как огромная грязная дыра посреди иссиня-чёрного полотнища, усеянного мириадами холодно мерцающих звёзд. Совсем

как те поблёскивающие камешки на неопикуемой красоте платье супруги барона Эххарта – минувшей осенью он с женой приезжал в Кадван. «Это жемчуга», – шепнула тогда старуха Маго. Жена барона была прекрасна: совсем юная, с таким милым и добрым лицом, что Уне казалось тогда, что она обязательно выслушает, обязательно поможет, нужно только решиться подойти. Но народ, толпившийся вдоль дороги, бухался на колени и боялся поднять глаза. Уна тогда замешкалась, и Маго знатно огрела её по спине клюкой, грозным взглядом указав на землю.

Подхватив корзинку с дарами для знахарки, Уна торопливо пошла вслед за мужем. Он уже ушёл вперед на добрую сотню шагов. Под ногами похрустывал снег: выпал он только прошлой ночью, но обильно, а днём случилась оттепель, и сверху образовался тонкий наст.

Тропинка петляла между толстых стволов, поворачивая к деревне. Та виднелась справа вдалеке: жёлтые огоньки с трудом пробивались через затянутые бычьими пузырями крошечные окна. Тропа скоро свернула к селению; но идти надо было не туда, а прямо, на ту сторону Белого ручья. Уна, зябко кутаясь в накидку, шла за Тедгаром, стараясь попадать в его следы: снег хотя и не особенно глубок, но споткнуться обо что-нибудь и упасть было легче лёгкого.

Ели стояли тёмными громадами, широко раскинув мохнатые лапы. И они смотрели. Перешёптывались и, почти незаметно поворачиваясь, следили деревянными глазами за неожиданными путниками. Безветренно и тихо. Только хруст снега и прерывистое дыхание мужа.

Уна поёжилась.

– О исбри, вечные и всеведущие, – зашептала она, – Куанне и Ассе, молю вас о помощи и милосердии. Ни веточки не задену, ни ягодки не сорву...

Она поскользнулась и, ойкнув, кубарем покатила вниз, едва не сбив с ног Тедгара.

– Осторожней! – запоздало крикнул тот.

Уна упала на четвереньки, пробила тонкую корочку льда, руки по локоть ушли в кашу илистого дна. В груди всё сжалось от ледяной воды. Тедгар торопливо спускался по склону.

– Тише, тише, – сквозь зубы прошипел он. – Нельзя здесь так громко... накличешь беду.

Виновато глянув на мужа, Уна ухватилась за протянутую руку и с трудом поднялась. Отряхиваясь и дрожа от холода, пошла за ним по берегу. Платье спереди всё намокло. В десяти шагах выше по течению поперёк русла лежало дерево. Тедгар ловко перебрался на ту сторону, Уне же переход дался с трудом: ствол слегка заледенел, а башмаки были скользкими от воды и грязи.

За деревьями виднелся дом: с невысокими, по грудь высотой, стенами, сложенными из необработанного известняка, и соломенной крышей. Из печной трубы вился тонкий дымок.

Тедгар остановился; руки его вцепились в драгоценную ношу. Уна потянула его за рукав.

– Идём, – умоляюще произнесла она. После лёгкой заминки он решительно шагнул вперед.

В то же мгновение дверь скрипнула, отворяясь, и выпустила сноп красноватого света.

– Кто здесь?

Муж и жена переглянулись.

– Матушка Элфгиву! Это мы, Уна и Тедгар.

Тёмная фигура в дверном проёме неодобрительно качнула головой.

– В такое время...

– По великой надобности, матушка...

Что-то буркнув под нос, знахарка махнула рукой, приглашая войти. Взглянула мельком на ребёнка, кивнула.

– На тюфяк положи. И в сторону, не мешайте. И – молчок.

Тедгар тяжело опустился на сундук, стоявший у стены, а Уна бочком протиснулась поближе к печи. Пахло чем-то вкусным. Уна встала у живительного огня, протянув ладони и искоса поглядывая на матушку Элфгиву. Та склонилась над девочкой и принялась ощупывать

её чисто промытыми узловатыми пальцами, что-то бормоча под нос. Эйрлис дышала хрипло и часто.

Знахарка выглядела как самая настоящая ведьма: горбатая, с колтуном свалывшихся волос на голове, лицом, и цветом и видом походившим на дубовую кору. Длинная полка за её спиной была заставлена горшками, плошками и ступками всех форм и размеров; целые веники трав сушились на стенах, а среди них – Уна вздрогнула, – перевязанный бечёвкой пучок чего-то до странности напоминавшего человеческие пальцы.

Старуха, заметив взгляд Уны, скосила глаза и усмехнулась. В пляшущих отблесках огня показалось, что на том месте, где у неё должен быть рот, приоткрылась глубокая резаная рана.

– Не трясись... это стрига. Прошлым летом сюда залетела, да, похоже, домом ошиблась...

Знахарка вытерла руки о выдавшее виды залатанное платье, уселась на табурет и сняла крышку со стоявшего на столе глиняного котелка. По дому тотчас поплыл горячий запах чесночной похлёбки. Уна сглотнула. Старуха, не обращая внимания на гостей, вооружилась ложкой и с жадностью принялась поглощать своё варево.

– Матушка Элфгиву... как она? – решила, наконец, спросить Уна.

Старуха отодвинула котелок, обтёрла морщинистые губы рукавом и оценивающе посмотрела на Тедгара. Тот сидел молча и сверлил знахарку взглядом.

– Принесли её вы вовремя. Ещё дня два-три, и отправилась бы на ту сторону Глейра. Помочь могу, через неделю будет как новая. Так что...

Старуха замолчала. Поняв намёк, Уна торопливо поставила перед ней корзину, прикрытую холщовой тряпицей. Элфгиву сдёрнула тряпицу, брезгливо пошебуршилась внутри.

– Намедни свинью чумную у Валды лечила, так он втрое больше дал.

– Матушка...

Старуха фыркнула.

– Нет. Других нарожаете. У бедняков одно богатство, а мне тоже на что-то жить надо. Зелья – они денег стоят.

Тедгар врезко выпрямился, руки его сжались в кулаки.

– Молчи, жена. – Он сурово глянул на знахарку. – Что ещё хочешь? Я своё слово держу.

– Другое дело. – Рот Элфгиву, похожий на щель, растянулся в подобии улыбки. – Значит, так... мешок овса, чечевицы полквартира, мёда половину стоуна...

– Матушка... – жалобно пискнула Уна.

Старуха замолчала на мгновение, потом мотнула головой в сторону недвижно лежащего ребёнка.

– Шкуру эту себе оставлю.

Тедгар едва заметно кивнул.

– Договорились, – процедил он сквозь зубы. – Делай своё дело.

Знахарка довольно крякнула, не спеша поднялась и начала один за другим доставать с полки горшочки и бутылки. Сунула в руки Уне кожаное ведро.

– За водой к ручью сходи. И смотри – чтобы чистая была.

Уна бросилась к двери, открыла её – и застыла. Дыхание замерло в груди.

Там, из темноты, из-за толстых стволов деревьев смотрели глаза. Множество глаз, сверкавших красным. Что-то огромное стремительно пролетело перед домом, едва не задев Уну кожистым крылом.

– О, праматерь... – она испуганно отшатнулась, захлопнула дверь, непослушными руками опустила засов. – Матушка...

Матушка Элфгиву не ответила. Её вдруг начало трясти.

– Эй! – встревоженно крикнул Тедгар. – Что такое?!

Знахарку колотило как припадочную.

– Скорее... уходите... – прохрипела она не оборачиваясь. – Прячьтесь...

И мешком упала на пол; звук был как от груды костей. Тедгар вскочил, глянул на жену.
– Уна... – позвал он. Та стояла, привалившись к двери, и дрожащими пальцами пыталась сдерживать рвущийся изо рта крик.

Одним прыжком Тедгар подскочил к лежаку, схватил дочь в охапку.

– Уна! – рявкнул он. – Очнись!

Придерживая девочку одной рукой, другой рывком открыл дощатый люк на полу.

– Уна, быстрее...

Торопясь, она спустилась вниз, приняла ребёнка. Тедгар взялся за крышку люка.

– Тедгар, – дрожащим от ужаса голосом пробормотала Уна, – ты...

– Я останусь, – перебил он, – надо крышку чем-нибудь завалить. Иначе они найдут вас.

Молчи – они пришли не за нами, – он мотнул головой на недвижимое тело старухи, – за ней.

Уна пискнула, оставшись в крошечной темноте, села, судорожно прижимая к груди девочку. Наверху Тедгар что-то тащил, поставил на люк. На голову посыпался трухлявый сор. Ещё какие-то звуки: должно быть, он подтаскивал сундук к двери, а потом – тишина.

Уну бил мелкая дрожь, мысли вертелись колесом – тысячью маленьких колёсиков. Эирлис. Та спала, как не странно, просто спала, дыша тихо и размеренно, лёгкая, как пушинка. Должно быть, заговоры старухи Элфгиву.

Те, с красными глазами в темноте. Они могут сломать дверь. В прошлом году у Пebbы сломали, только сынок маленький и спасся: в сундуке схоронился. Тедгар. «Надо всё же сказать ему, пусть спрячется с нами». Не послушает ведь, рассердится и накричит. Дрожа от страха и возбуждения, Уна пошарила вокруг рукой и, обнаружив свободное место, осторожно положила дочку.

Закусив губу до боли, она принялась подниматься на ощупь: погреб был глубокий. И едва не вскрикнула от неожиданности. Грохот наверху, то ли клёкот, то ли хрипкое карканье. Шум катающихся по полу тел.

Уна что есть силы упёрлась руками в крышку люка. Та не поддавалась: Тедгар поставил на неё что-то тяжёлое. Она различала хрипкое дыхание мужа, а потом как будто обрушились полки; горшки и кувшины посыпались, разлетаясь осколками.

– Тедгар! – в отчаянии выдохнула Уна. Заметив тоненькую полоску тусклого света, едва пробивающегося между половиц, она прильнула к щели.

Мечущиеся по потолку красноватые тени. Грохот прямо над головой. Отпрянув, она вновь заглянула в щель, и вопль застрял у неё в груди. На неё смотрел Тедгар. Он лежал недвижно, уткнувшись в пол лицом, и смотрел. Она узнала его глаз: тёмно-карий, с сеточкой мелких морщин, разбегающихся от уголка. «Тихо», – молчаливо приказал он, и в то же мгновение что-то горячее капнуло Уне на щеку. И полилось липким дождём.

Уна закричала и упала в темноту.

Книга первая. Град Божий

Глава 1. Родрик

Громко хрустнула ветка, и мужчина, сидевший у костра в лесной низинке, мгновенно вскочил на ноги, отточенным движением выхватив из ножен клинок.

– Эй, эй, Родрик, спокойно... это я, Гаран.

Из-за деревьев появился второй, долговязый и сутулый, без шапки, несмотря на холод. Кончик его носа был сизым, подбородок зарос недельной щетиной. Как и на его товарище, на нём красовался потертый кожаный колет с некогда блестящими металлическими бляхами; на поясе болтался меч. Не спеша он приблизился к костру, уселся на корточки, протянул руки к огню. Он был уже не молод.

Родрик бросил внимательный взгляд на прибывшего.

– Чего хмурый такой?

– Я не хмурый... я трезвый.

Родрик хмыкнул.

– Так ты ж, вроде, за выпивкой пошёл?

– Пошёл, да не дошёл, – пробурчал Гаран. Он пошарил за пазухой, и извлёк мятый лист пергамена. – Смотри, что принёс. С дома одного сорвал. Там хрен какой-то на площади указ зачитывал, я только самый конец услышал, и кажись, это по наши души. Вот я и решил побережись на всякий случай. Глянь, что там, а то я в этих закорючках не силен.

Родрик взял пергамент, расправил его на коленях, поводит пальцем по строчкам и принялся читать. Читал он медленно, но вполне уверенно.

«Всем жителям селений Бреотигерн, Пеннант, Бенлин, Эллесмере, Подгорье, Глиннет...»

– Он поднял голову. – Бенлин – это где?

Гаран неопределённо махнул рукой, куда-то за спину.

– Там... на востоке. Милях в двадцати от Дарма. Что дальше?

Родрик кивнул.

– ... *«и прочим добрым подданным его высочества Леофрика, где бы они не находились, и к какому бы состоянию не принадлежали. Объявляется награда за поимку подлых воров и злоумышленников Родрика и Гарана...»*

– Вот! – возбуждённо вскрикнул Гаран. – Я ж говорил!

Его товарищ только отмахнулся.

«...за живых по пять золотых кернов, за мёртвых по два керна и одной серебряной марке, каковая награда будет выплачена незамедлительно.»

Названный Родрик, родом из физов, телосложения сильного, высок ростом, но не превышает меры, волосы светлые, бороду бреет, на груди слева шрам длиной в ладонь. Гаран выше обычного, худ и жилист, лицо костистое, безбородое, волосы тёмные, на голове проплешина. За укрывательство указанных злоумышленников виновный будет повешен за шею и будет висеть так до самой смерти, а принадлежащее ему имущество конфисковано. Дано в Бреотигерне в 17-й день Бычьего месяца года 258-го от Основания и подписано самолично светлейшим герцогом Леофриком Бедвиром.»

– Пусть мортох сожрёт меня со всеми потрохами! – взвился Гаран. Он вскочил и принялся вышагивать взад-вперёд. Рожа у него была потешная: на манер Морского народа он красил себе глаза чёрным, и ещё по полоске от каждого глаза вниз по скулам. Вид получался зловещий, но сейчас, после двухдневного пути без умывания краска вся размазалась, так что казалось, что Гаран весь в грязных слезах. Как баба, чей мужик молодуху нашёл. Поляна была

небольшая, и его нервно подпрыгивающая фигура то ныряла в темноту, то вновь появлялась в круге света, отбрасываемого костром.

– Хватит мельтешить, – наконец, буркнул Родрик.

Тот остановился.

– Я ж говорил тебе: не надо было всё брать! Взяли б только то, что причиталось, глядишь, и не искали бы!

Выражение лица Родрика ничуть не изменилось. С задумчивым видом он покрутил пергамен в руках и швырнул его в огонь. Кожа вспыхнула и съёжилась в чёрный комочек.

– Холодно, – безразлично произнёс он.

Гаран оторопело остановился.

– Чего?! Какой, к Вилу, холодно? Ты слышишь, что я говорю? С повинной надо идти, нам отсюда ходу нет. Слева горы, справа – топь. Они наверняка посты на дороге выставили...

Ни слова не говоря, Родрик отстегнул застёжку плаща и, расстелив на земле, высыпал на него содержимое довольно увесистого кожаного мешка. Оттуда дождём посыпались монеты.

– Я и так не всё забрал, и ты это знаешь, – сказал он. – Сундучок тяжёлый был, далеко бы не ушли. Здесь сто тридцать два керна, не считая мелочи. Уж всё плечо мне оттянули. Половина – твоя. Можешь взять и топтать в пасть хоть к самому Вилу, хоть к герцогу. Тебя там напоят, накормят и девку дадут какую пожелаешь, даже не сомневайся. – Родрик фыркнул. – А я ему три года служил без малого, уж и сосчитать не могу, сколько раз смерти в глаза смотрел, а что взамен получил? Жратву, кислое пиво и четыре дарна серебром. Леофрик мне должен, и я скорее это золото по болоту разбросаю, чем ему верну.

Гаран внезапно успокоился.

– Проклятье. – Он вновь присел на корточки и застыл, уставившись в огонь.

– Да брось! Где наше не пропадало... на это полграфства купить можно. Потом продать задёшево, и снова купить.

– Что верно, то верно. Я таких деньжищ раньше не то что в руках не держал, даже и не видывал. Чтоб нашему брату столько заработать, десять раз в бою помереть надо. Только толку здесь от них...

– Хорошего мало, – мирно согласился Родрик. – На дороге и во всех селеньях посты точно стоят, так что туда соваться смысла нет. Пойдём по краю болота. Люди говорят, что и через саму Круахову Топь можно пройти, есть там тропинки.

– Ты знаешь, где эти тропинки?

Родрик отрицательно покачал головой.

– То-то и оно. Не пойду я через Топь, – буркнул Гаран. – Там ещё со времён папаши нынешнего герцога такое, сказывают, творится...

– Сказки, – презрительно протянул Родрик. – Все слышали, да не видел никто. Утоп какой-нибудь олух в трясине, так это, конечно, не потому, что олух, а потому, что его нек утащил. Брехня.

Гаран пожал плечами.

– Ты в наших краях всего три года, а я здесь вырос. Такое слышал, и от проверенных людей...

– Зато по другим местам достаточно побродил. И везде бабки на ночь детишкам про чудищ рассказывают. А детишки охают и пугаются, прямо как ты сейчас.

– Эх, молодо-зелено...

Родрик отмахнулся. Пригоршнями он собрал золото обратно в мешок. Гаран следил за ним искоса. Затянув у мешка завязки, Родрик принялся укладываться.

– Ладно. Утро вечера мудренее. – Он запахнулся в плащ и прикрыл веки. – Жаль только, без выпивки остались.

– Я схожу ещё раз.

– Да ладно? – Родрик удивлённо открыл глаза.

– Моя очередь идти, а завтра путь неблизкий. Потом удобный случай неизвестно когда подвернётся, а здесь всего-то пара миль. Там на площади не больше полутора дюжин народа толпилось. Остальные про нас ещё ни сном, ни духом. Найду хижину какую-нибудь на отшибе, авось разживусь медовухой.

– Лучше чего покрепче.

Гаран кивнул и через несколько мгновений его фигура растаяла в темноте. Родрик лежал не шевелясь, но, как только шаги его товарища перестали быть слышны, резко поднялся и сел. Выждав для верности ещё некоторое время, он вскочил, торопливо натаскал несколько охапок веток и листьев, накрыл своим плащом. Затем закинул на плечо мешок с золотом и быстрым шагом направился вглубь леса – туда, где ещё днём они наткнулись на ручей, извилисто и неторопливо текущий по дну овражка. По дороге несколько раз остановился, чтобы сломать ветки – не грубо, а как бы ненароком; зашёл в воду и пошёл вверх по течению. Слава богам, ночь стояла ясная: над головой висела пятнистая луна, заливая лес мертвенным светом. Луна была огромная, чуть не в полнеба, но Родрик уже привык к этой необъяснимой особенности здешних земель. Шёл долго, не меньше четверти мили, потом выбрался на берег, старательно перепрыгивая с камня на камень, и, сделав изрядный крюк, вернулся к той же поляне. Выбрав дуб с листвою погуще, шагах в двадцати от костра, он ловко залез наверх и пристроился на толстой ветви.

* * *

Гарана он почти не знал, только встречал до того раз-другой, поскольку служили они хотя и одному господину, но в разных местах: Родрик в Бреотигерне, главном замке Бедвиров, а Гаран в какой-то мелкой крепости далеко на западе. Гаран был заметно старше своего напарника, не отличался разговорчивостью и, как понял Родрик, начал службу ещё мальчишкой, при отце нынешнего герцога, Эффе, стало быть, лет сорок тому назад, а то и больше. Тогда Гаран был на очень хорошем счету, а потом за какую-то провинность Леофрик, сын и наследник Эффы, услал его с глаз долой в захолустье. Причём не просто услал, а вдобавок отказался отдать Гарану честно заработанные и отложенные на старость деньги, хранившиеся в казне покойного герцога, по словам Гарана – целых двенадцать с хвостиком кернов. Расписку казначея, которой Гаран гневно размахивал перед носом у новоиспечённого лорда, тот с усмешкой бросил в огонь. Гаран затаил обиду, и не далее как четыре дня назад пробрался в покои Леофрика с твердым намерением возместить ущерб, и там нос к носу столкнулся с ним, Родриком. В темноте они чуть не переубивали друг друга: хотя Родрик Гарану в сыновья годился, последний оказался очень цепок и, несмотря на худобу, силен. Прямо как дуб тощий и гнуто-перегнутый дикими ветрами да морозами. Не сломаешь. Вдоволь покатавшись по полу и изрядно замарав герцогский ковёр, они остановились, только почувствовав лезвия клинков, которые каждый держал у горла другого. Замерли, взглядываясь и тяжело дыша, и тут оба признали собрата-наёмника.

Перебросившись парой слов, они быстро пришли к взаимному согласию и, ополовинив герцогский сундучок, незаметно выбрались из замка. Впрочем, почти незаметно: в тот вечер Бреотигерн праздновал обручение старшего сына Леофрика с дочкой графа Нордмонта, ел, пил, орал песни и валялся пьяным – весь, кроме одного бедолаги, которого поставили у замковых ворот. Пришлось на ходу сочинить историю о деревенских красотках, что ждут их уже тёпленькие и мокренькие. Стражник сжалился и открыл калитку; благо, подъёмный мост был опущен.

Клятвенно пообещав тому стражнику по возвращении рассказать все пикантные подробности, горланя во всю глотку и старательно шатаясь, они побрели по мосту. Спустились с при-

горка, пошарили в кустах и извлекли на свет божий две котомки, которые заблаговременно припрятали, по странному совпадению, совсем неподалёку друг от друга – Родрик увидел в этом добрый знак. Путь предстоял неблизкий: на северо-восток к Подгорью, потом на восток, оставляя Круахову Топь по правую руку, а потом, после Эллесмере – хоть направо, хоть налево, куда хочешь. Полные карманы золота и весь мир у ног.

К Эллесмере вела только одна дорога, точнее тропа, зажатая между неприступным в этих местах Нордмонтским хребтом и болотом, заблудиться невозможно, но это и худо: случись погоня, она дышала бы им в спины. От Бреотигерна шла ещё одна дорога, на юг, в герцогство Когар, но она слишком долго и длинно петляла по владениям Леофрика Бедвира, да и множество многолюдных селений и гарнизонов не обещали безопасности. Наскоро посоветовавшись, беглецы сделали выбор в пользу Западного тракта, хотя узкого и дававшего некие преимущества преследователям, но не в пример более короткого.

Немногочисленные деревни они обходили стороной, только один раз Родрик рискнул зайти в одну из харчевен, разжиться вяленным мясом. В основном шли лесом, по краю Топи, даже не лесом, глухой чащобой, куда и раньше местные жители хаживали нечасто, а нынче и вовсе забыли туда дорогу. Это, увы, сослужило товарищам дурную службу: пробираться через бурелом и многочисленные овражки оказалось делом утомительным, но главное – куда более долгим, чем они поначалу рассчитывали. Тропинки, если и были когда-то в этих местах, за последние полста лет заросли и исчезли полностью.

На четвёртые сутки пути они оказались вблизи Подгорья, и Гаран встал, словно упершись рогом. «Не пойду дальше без выпивки», – заявил он. Родрик поспорил, но только для виду: до Эллесмере, последнего селения во владениях его милости Леофрика, оставалось ещё целых два дня пути. На дворе стоял Бычий месяц, самая середина весны, и ночи были холодными и промозглыми.

– У нас в Эйлен-Донане в это время ещё снег лежит, и ничего, народ не жалуется, – сказал Родрик, но препятствовать Гарану не стал: иссохшееся нутро отчаянно требовало чего-нибудь горячительного. Огоньки деревни приветливо мигали не так уж и далеко, а погони, вроде, не наблюдалось. Гаран ушёл, а Родрик, выбрав низинку, чтобы не было заметно со стороны, принялся разводить костёр. Ничего подозрительного в поведении Гарана он не примечал, но в ходе последнего разговора в душе поскребло острым коготком.

Удобно примостившись на толстом суку, Родрик начал уже поклёвывать носом, когда послышался какой-то звук – совсем не со стороны деревни, а от ручья, откуда он только что пришёл. Родрик замер. Шёпот-не шёпот, а скорее едва слышное похрустывание слежавшихся после зимы листьев под чьими-то осторожными шагами.

Затаив дыхание, Родрик повернул голову. Так и есть – Гаран. Один. Всё вроде бы в порядке, но шёл он как-то уж чересчур осторожно, словно крадучись. Может, просто не хочет его, Родрика, разбудить? Только зачем подходит сзади?

Гаран приблизился к затухающему костру, и Родрик, укоряя себя за неподобающую подозрительность, уже готов был окликнуть товарища, как вдруг тот не спеша взялся за рукоять меча. Вытянул клинок, серо блеснувший в лунном свете, и резким движением откинул в сторону плащ Родрика. Замер в удивлении.

– Проклятье... – едва слышно процедил он сквозь зубы и тут же крикнул: – Он ушёл!

– Стой, где стоишь! – тут же раздалось из темноты, и из-за деревьев показались тёмные фигуры полудюжины солдат с нашитыми на груди бедвировскими красными единорогами. Трое держали в руках взведённые арбалеты. Солдаты окружили костёр кольцом. Один из них, уже немолодой, с длинными отвислыми усами, по-видимому, старший, пнул гору листьев ногой. Та рассыпалась с шуршаньем.

– За нос вздумал меня водить? – не гневно, но как-то слегка презрительно спросил он.

– Даже и не думал. Ушёл он. – Гаран сплюнул. – С золотом...

– Чего ж ты деньги себе не взял?

– Так он заподозрил бы...

– И без того, видать, заподозрил. У тебя на роже всё написано. Меч на землю! Руки за спину!

Гаран, сплюнув ещё раз, бросил клинок; его тут же подобрал один из стражников.

– Чего ж написано? – буркнул он.

– То, что за монету мать родную продашь. Старый хер. Связать его, пойдёт с нами. Ивар, можешь что сделать?

У невысокого пухлого мужичка, что стоял рядом, шевельнулся нос – мясистый, с крупной бородавкой на кончике, он словно жил собственной жизнью: принюхивался, раздувался и опадал.

– Кто его знает, – пропищал он, – темно, будто в утробе у Вида...

Он согнулся в три погибели и, подпрыгивая, как собака с перебитой ногой, принялся быстро обходить поляну.

Родрик стиснул зубы. Проклятье. Ищейка. Видать, бодрячок. Бывают такие: толстые что твоя хрюшка и лёгкие, как надутый бычий пузырь.

Гаран, экая гадина, продал его ни за что. Не понимает, дурень, что Леофрик ему всё равно ни гроша не вернёт, а в лучшем случае велит дать плетей. Тупая трусливая скотина. Как назло, в лесу было вовсе не так темно, как выразился тот носатый: луна висела прямо над головой, и если кому из солдат вздумается внимательно глянуть по верхам, ему, Родрику, конец.

– Туда ушёл! – радостно возвестил Ивар, указывая в сторону ручья. – Совсем недавно.

Он стоял так близко от Родрика, что тот мог попасть плевком прямо в его плешивую башку. Родрик поклялся бы, что от Ивара несёт потом за сто шагов. Небось, думает: вот сейчас загоню очередного беглеца, потом в кабак, пиво пить да баб лапать.

– Уверен? – спросил начальник стражи.

– Вернее и быть не может. Топал, как медведь. Видно, торопился.

Вислоусый довольно усмехнулся.

– Кенред, живо возвращайся, скажи Балдрику, чтоб людей дал. Всех. Вилланов поднять, пусть идут цепью к Комариной плешу. Скажи, лично от меня серебряный дарн тому, кто гада увидит, и ещё один сверху, если повяжет. Этот дуралей сам себя в болото загонит. Стой! И ещё передай Балдрику, чтоб прихватил сестричек. Ивар, веди!

Следопыт как собака бросился в лес, все прочие – за ним. Гаран хмуро брёл со связанными за спиной руками. В спину его подталкивали копьём.

Родрик полежал ещё немного, вжавшись в ветку и прислушиваясь, потом, повиснув на суку, легко соскочил на землю. Медлить было нельзя. Солдаты дойдут до ручья, а до него чуть больше полмили, потом, потеряв след, скорее всего, вернуться сюда. Крестьяне из Подгорья тоже не задержатся: светящиеся окна деревни видно даже с этого места, а на серебряный дарн каждый из них сможет семью месяц кормить. Где находится та самая Комариная плешь, о которой упомянул командир, Родрик не знал, но, здраво рассуждая, они пойдут на восток – туда, куда всё это время стремились беглецы.

Родрик поднял было свой плащ, но, подумав, решил всё же его не брать: не стоит давать знать преследователям, что он был здесь, и даже может быть слышал, о чём они говорили. «Вил с ним, с плащом, скоро лето, не замёрзнем». Решительно развернувшись, Родрик зашагал на запад, обратно к Бреотигерну. На мгновение мелькнул в голове вопрос, что это за «сестрички», о которых говорил тот вислоусый, но времени раздумывать не было.

Небо понемногу начали затягивать тучи, и Родрик этому обстоятельству порадовался: дорогу примерно он помнил, а вот носатому Ивару темнота точно не подмога. Лес здесь был густой и корявый: глухое урочище с исковерканными буреломом стволами дубов-великанов,

с подлеском из гнутых осин, черёмухи и волчегодника. Найти следы в такой черноте точно не получится.

Зацепившись пару раз за торчащие из земли корни и свалившись наконец в глинистый овражек, Родрик, весь в грязи, с трудом выкарабкался и, тихонько матерясь, свернул ближе к тракту: хоть слегка и на виду, но идти здесь было не в пример легче. Не удержался и потратил пару минут на то, чтобы забраться на дерево, глянуть, что творится в селении, которое уже давно скрылось за пригорком. Так и есть: там, словно рой светлячков, мелькало множество мелких огней – крестьяне с факелами уже приближались к кромке леса, а оттуда до поляны с его плащом рукой подать. За дальностью расстояния ничего не было слышно, только лёгкий ветерок шевелил голые ветви.

Родрик бросил взгляд на север, где милях в пяти, на фоне чёрного неба угадывались ещё более чёрные очертания Нордмонтских гор. Здесь они были высоки, отвесны и неприступны, как будто зубы гигантского дракона чьей-то невиданной силой воткнуло в землю. Пути на север в этих местах не было, разве что внезапно вырастут крылья. В Подгорье дорога раздваивалась и одним своим щупальцем вскоре заползала в узкое ущелье, тянувшееся на добрую пару лиг, а там – Нордмонт, свободная страна. Родрик в своё время исходил те земли вдоль и поперёк, но, увы, и вход в ущелье, и выход из него запирали крепости: с этой стороны – герцога Бедвира, с той – графа Тэлфрина, великого северного лорда. Другие проходы в Нордмонт, если не карабкаться по горам, которые дальше к востоку становились более пологими, находились уже после Эллесмере, но в ближайшее время Родрику, видимо, добраться до тех мест не судьба.

В гуще леса стало уже хоть глаз выколи, и только чуть более светлое небо над горами давало возможность выбрать направление. Родрик полез вниз, почти на ощупь. В каких-то десяти локтях от земли ветка обломилась, и он шлёпнулся на спину, треснувшись затылком о камень. Голова взорвалась тысячью искр, и Родрик провалился в темноту.

Очнулся он, кажется, скоро. Охнув, уселся на земле, ощупывая рану. Кожа глубоко рассечена, шея в липкой крови. Родрик уже было приготовился громко и грязно выругаться, но слова застряли в глотке.

Собачий лай, далёкий, но ясно различимый.

Проклятье.

Экая он бестолочь, однако. Вот они, сестрички! Про такой расклад он не подумал. А ещё плащ свой оставил возле кострища – нате, вам подарочек, нюхайте на здоровье.

Родрик вскочил на ноги, слегка пошатываясь, сделал шаг вперёд, назад, остановился, сел, буквально плюхнувшись на землю. Перед глазами кружились, расплываясь, тёмные пятна, а в затылке ухало так, что собрать мысли в одну кучку получилось с трудом.

На дереве не схорониться, нет, под бревном каким-нибудь тем более. Пред мысленным взором живо встала картина, как прошлой зимой одного солдата за дезертирство Леофрик Бедвир приговорил к сотне ударов кнутом, велел собрать на это зрелище всю дворню. Обычно пятнадцати хватало, чтобы на ту сторону Глейра человека отправить: толстый хвост из плетёных полосок воловьей кожи ломал рёбра, свеживал заживо. Но не в этот раз: в ту пору у герцога гостил Ролло, младший братец короля, и он непонятно зачем привёз своего заплечных дел мастера, из Морского народа – с дикой внешностью, голого до пояса, в синих татуировках и шрамах. Должно быть, просто таскал его с собой всюду, как диковинку.

Тот изувер знал своё дело. Плеть у него была футов десяти длиной, тонкая и свистящая. Он прицеливался, хлыст извивался змеёй, жалил острым зубом – и тело преступника лишалось очередного крохотного кусочка плоти. Несчастный выл воем. Женщины отворачивались, а мужчины стояли хмуро. «Не в обычае это у корнов», – проворчал тогда старик Дерин. Когда-то он тоже был наёмником, но преклонный возраст и культя вместо левой руки заставили его доживать оставшиеся годы на хлебником. Леофрик, жирная скотина, сначала веселился, потом, когда заметил смурные лица подданных, улыбка на его физиономии как-то подвяла, но пре-

рывать экзекуцию не стал. Просто отвернулся презрительно и под ручку с Ролло скрылся за дверью донжона. Тот Ролло, кстати, через пару месяцев отдал богу душу: как Родрик слышал, на охоте его задрал медведь. И поделом.

– Недостойно это Первородного, – прошамкал беззубым ртом Дерин, проводив Леофрика взглядом, – белая ворона среди Бедвиров. По всему видать, мамаша его по чужому лужку гуляла, чужие цветочки нюхала, да вернулась в пыльце перемазанная.

Тогда-то и появилась у Родрика мысль, что пора валить из этих мест. Леофрик действительно, не иначе, подкидыш. Первородному так поступать негоже. Первородные – они от богов, своих народов не только судьи, но и защитники-благодетели. Да и не Леофрик вовсе должен был быть господином Западных земель. Знающие люди рассказывали, что у него когда-то была старшая сестра – истинная наследница, отцом назначенная и благословлённая, но ещё ребенком пошла с подружками да с младшим братцем по клюкву на болота, и потерялась. Леофрика нашли, а вот сестрица пропала, сгинула. Старый герцог Эффа рвал и метал, потом пил беспробудно, и вскоре преставился сам. Злые языки болтали, что Эффа своего сыночка не особо жаловал, всё винил его в том, что тот за сестрой не уследил, хотя самому Леофрику в ту пору было годков восемь, не больше.

Говорили, что Эффа даже корону ему оставил какую-то не такую: не с семью зубцами, как Первородному полагается, а меньше: видно, надеялся, что дочка его найдётся. Наверное, именно потому Родрик за всё время ни разу Леофрика в короне-то и не видел: видно, стыдился тот дешёвой подделки. А народ по кабакам шептался, что корону Первородного, правильную, семизубчатую, абы кто надеть не может – будет тут же поражён огнём небесным.

Но к Вилу герцога.

В ночной тиши собачий лай слышался уже отчётливо – прямо сюда идут, твари. Родрик стиснул зубы. Нет, такой радости он им не доставит. Он поднялся, скривившись от очередного «бух» в затылке, и решительно повернул на юг, в сторону, противоположную от родного Нордмонта. Две-три сотни шагов – и ищи его-свищи. Родрик зло ухмыльнулся. Здешний люд ундинрусалок и прочих небылиц больше боится, чем собственных жён. Хотел бы он посмотреть на того храбреца, который пойдёт за ним в Круахову Топь!

Глава 2. Круахова топь

В темноте он видел почти как кошка, но здесь была другая темнота, липкая и вязкая, мутной пеленой висевшая в десяти шагах во все стороны. Поначалу он довольно ловко пере-скакивал с кочки на кочку, даже посмеивался: луна нет-нет да и выглядывала из-за туч, давая вполне достаточно времени, чтобы оценить, куда прыгнуть. Где-то далеко позади мелькали огоньки факелов, слышались крики и собачий лай, постепенно затихая: те олухи явно дошли до края болота, а дальше – ни шагу. Насколько далеко он оторвался, Родрик не знал, но не меньше, чем на полмили. Огоньки вскоре пропали, а следом и звуки, осталось только бульканье и слабые всплески, обычные для такого рода мест.

За последние три года Родрик наслушался немало историй про Круахову Топь, и однажды даже пришлось научить уму-разуму пару мужланов, свято уверенных в том, что тот, кто не слушает, открыв рот, их детские байки, не имеет права пить пиво в местной замшелой харчевне. Какие-то «тёмные силы» пришли, да что-то поглотили, да теперь туда ходу нет, а тот, который пойдёт... вот Брин-дровосек пошёл, да пропал, и мертвяки там прямо по воде бродят – и прочее в таком же духе.

Всласть помахав кулаками, они уселись за один стол, потирая ушибленные челюсти, прихлёбывая из кружек и внимая мудрости своего нового знакомого.

– Это ж болото, дурни, – помнится, тогда говорил им Родрик, – а болото оно что в Нордмонте, что в Ллевеллине – один чёрт. Спяну по любому туда лучше не соваться.

Идти надо там, где муравьиные кучи, густая трава, и сосна растёт. А если звериная тропа есть и лосиные следы – это ещё надёжнее. Лоси – они чувят, где пройти можно, и в колодцы не проваливаются. Если деревьев много – значит, земля. Там и отдохнуть получится, ну, или на поваленном стволе. Но между такими кочками, железно – мочажины. Хорошо, если просто водица застойная, а часто – вязкая грязь. Засосёт на счёт два. А ежели ровное пространство перед собой видишь, и кукушкин лён там тёмный такой – даже и не суйся, матерью Боанн клянусь – колодец.

Но и деревья не всегда помогают, хотя в этот раз Родрик был склонен списать свою неудачу на темноту. Сделав очередной прыжок, он провалился в топкую яму между корнями, сверху заросшую надёжным на вид ковром мха. Грязь плотоядно чавкнула, и Родрик, потеряв равновесие, упал назад и едва не по шее погрузился в вонючую жижу.

Проклятье... Вымазавшись по самое не хочу, царапая склизкую землю скрюченными пальцами, он с трудом выбрался на пригорок и лёг на спину, тяжело дыша и отплёвываясь. Впереди, похоже, был зыбун – топь, образовавшаяся на месте заросшего озера. Чёрный, с редкой порослью камыша, внешне почти неотличимый от какого-нибудь безобидного луга. Родрик привалился спиной к корявому стволу дерева. Нет, сейчас он дальше не пойдёт, по зыбуну ночью не пройти. Жаль, костёр развести нельзя – заметят, не так уж далеко он ушёл. Родрик огляделся и направился поглубже в лес – островок был не большой, но и не маленький, – стянул сапоги, штаны, кривляясь, как паяц – рубаху и, выжав воду, развесил одежду на ветках. Иначе не высохнет. Клацая зубами от холода, он сгрёб кучу сухих листьев и зарылся в неё с головой.

Утро вечера мудренее.

* * *

Проснулся он ни свет ни заря, разбуженный далёким криком выпи. Тело всё закочелено. Выбравшись из листьев, Родрик попрыгал, чтобы разогнать кровь, и принялся одеваться, торопливо соображая.

Назад пути нет. Стражники с крестьянами наверняка ещё день-другой, а то и дольше, будут там торчать да кусты по берегу обшаривать, и уйдут только тогда, когда убедятся, что беглец утоп. А может ещё, не дай то боги, пойдут следом: пять золотых кернов даже зайца могут заставить в берлогу к медведю залезть. Большинство из этих вилланов золотой монеты в руках не держали, а многие и не видывали. С другой стороны, идти вглубь болота тоже бессмысленно: насколько Родрик знал, Круахова Топь тянулась на восток на добрые полсотни миль, и он, даже если повезёт, месяц будет туда пробираться: в таких местах особо не разгонишься. На юг, во владения герцога Когара, вроде как дорога покороче, но насколько, он не знал. По здравому раздумью выходило, что идти надо назад, в Бедвир, а там уж – как получится. Шест с рогатиной сейчас вырежем, на ноги – болотоступы, благо, елового лапника тут в избытке, и вперёд.

Родрик посмотрел наверх. Небо было однообразно-серым, без единого проблеска. Плохо, конечно, но уж как-нибудь направление определим. Родрик покрутил головой: пришёл он, кажется, оттуда.

Решительно продравшись через кусты – вчера они не показались ему такими густыми, – он остановился в раздумьях. Покрутил головой. Нет, не оттуда. По эту сторону не было ни одного островка, только унылая кочковатая равнина с пучками травы, а в полусотне шагов – туман, тягуче плывущий над булькающей жижей. Справа, слева – везде туман. Родрик медленно пошёл по берегу, и спустя полчаса остановился в недоумении. Он помнил точно: кривая такая сосна, он разбежался и перепрыгнул сюда. Тут вам не море Арит, никаких приливов-отливов, не может быть, чтобы тот клочок земли скрылся под водой. И небо – проклятье! – непробиваемо свинцовое, солнца даже не видать.

Злясь на свою забывчивость, Родрик вернулся к месту ночёвки. Вот: здесь он спал, оттуда пришёл. Тщательно разглядывая каждую жухлую травинку, он двинулся назад по собственным следам. Родрик не считал себя ни следопытом, ни охотником, но здесь и не надо было быть семи пядей во лбу.

– Матолух мне в глотку! – членораздельно и громко произнёс он, остановившись на берегу. Никакого острова, никакой кочки там не было. Ни одной кривой сосны в пределах видимости. Всё понятно. Он прилетел сюда по воздуху, не иначе. Родрик уселся на землю, достал из мешка кусок солонины и принялся жевать. Вкус был мерзкий, с явным болотным запахом.

Непонятно, как такое может быть. Он же скакал вчера, как козёл, с кочки на кочку, на многих были деревья, а тут – сплошной зыбун с пятнами чёрной воды. Не привиделось же ему всё это, в самом деле!

Снова раздался крик выпы.

Нет, не выпы.

Выпь кричит громко и протяжно, как бык, или, может быть, как ветер гудит в трубе, или ил в болотах поднимается и опускается, а это не выпь. Снова крик. Родрик открыл рот, едва не поперхнувшись. Он готов был поклясться, что это похоже на петуха. Далеко-далеко. Откуда тут, мать твою, петух?!

Родрик прислушивался до звона в ушах, но крик не повторился. Ничего, только хлюпанье и журчанье. Навскидку уже должно быть около полудня, но небо и не собиралось проясняться. Родрик выругался. «Хоть бы уж тот носатый Ивар вышел на след», – зло подумал он. Так хотя бы стало понятно, в какую сторону идти.

Сплюнув, Родрик поднялся. Надо что-то делать. Свинцовый купол над головой имел такой вид, что мог висеть не день и не два. Раз уж он обнаружил, в каком месте ступил на этот дьявольский остров, от этого и надо плясать. Шёл он в южном направлении, значит, стоит забрать правее. Червячок сомнения, правда, противно запищал в голове (вчера, прыгая как кузнечик влево-вправо, легко было сбиться с пути), но Родрик приказал ему заткнуться.

Мечом Родрик срубил тонкое деревце раза в полтора длиннее собственного роста, потом срезал пару длинных веток и согнул их в петли. Сделал перекладыны, укрепив среднюю часть, щедро устлал лапником, и не спеша приладил болотоступы к ногам.

Перехватил шест поудобнее и осторожно ступил на мох. На поверхности немедленно образовалась лужица воды, но не более того. Мох, вроде, плотный, должен выдержать.

Стараясь встать всей ступнёй, он двинулся вперёд.

* * *

Родрик остановился, чтобы передохнуть. Кочка из осоки и торфа дышала и шевелилась, норовя вывернуться из-под ног незваного гостя.

Ноги гудели от постоянного напряжения, а дыхание срывалось.

За полтора дня он прошёл не больше десяти миль, в целом без происшествий – только один раз поскользнулся и шлёпнулся в неглубокую мочажину, вызвав гвалт стаи куликов. Ночевал вторую ночь на крошечном островке, обняв ствол мертвой осины, стуча зубами от холода и с тоской вспоминая зачем-то брошенный возле Подгорья плащ. Зачем? – сейчас он уже не мог объяснить. От солонины остался кусочек в палец толщиной; наверное, получилось бы сбить пращой одну из кричащих где-то птиц, но он так и не увидел ни одной, а ягод не было. Какие, к Вилу, ягоды в конце весны? По его расчётам болото должно уже скоро кончиться, но туман так и не рассеялся, и Родрик не был уверен в том, что не сбился с выбранного направления.

«Плевать, – угрюмо думал он, балансируя с шестом в руках, – ещё денёк, и куда-нибудь да выйду». Вот уж истинно: проклятое место. Трудно было представить, что где-то в десяти, двадцати или сколько там милях светит солнце и ходят-бродят живые люди. А тут – серая тоскливая пустыня с серым туманом и кривыми деревьями. И серым небом, таким, как будто Родрик оказался внутри гигантского бычьего пузыря. Даже дышать здесь было тяжело, а свет – мутный и грязный – лился со всех сторон. Ни луны, ни звёзд. Темнело и светлело тоже одновременно со всех сторон, и мозги Родрика просто трещали по швам в усилиях понять, как такое может быть: ведь с какой-то стороны солнце должно всходить, а на какой-то – садиться?! Ведь в какой-то стороне по утрам и вечерам небо должно быть хоть чуточку светлее?

Мешок с деньгами невыносимо тянул вниз, и Родрик боролся с искушением оставить его где-нибудь в приметном месте, а потом вернуться и забрать. Почти десять фунтов золота, поначалу казавшиеся пушинкой. Но тут не было ни севера, ни юга, ничего, кроме булькающей грязи. Никакого приметного места. В животе урчало, колени дрожали от усталости, но сейчас его заботило только одно: до темноты найти какой-нибудь клочок суши, на котором можно хотя бы сесть без опасения провалиться в болотную жижу. «Вот доберусь до Глиннета, надеюсь в хлам. Пригоршня золотых, не пожалею. Мяса, пива и девок. И жонглёры пусть так в дудки дудят, чтоб уши закладывало», – думал он, и под ложечкой уже сосало от предвкушения. Глиннет должен быть где-то рядышком, чуть южнее Бреотигерна. Родрик помнил эту деревню: с большим постоянным двором и сотней крестьянских домов вокруг. «Только бы не заплутать».

Родрик вздохнул поглубже, собираясь с силами, подрыгал ногами – и вдруг застыл истуканом. В сотне шагов впереди туман моргнул прорехой, на долю мгновения показав лесную чашу. О, праматерь Боанн... неужели почудилось?

Стоял долго, до рези в глазах всматриваясь в серую мглу. Ни-че-го.

Родрик почесал нос. Нет, торопиться он не будет. Не хватало ещё в последний момент утонуть в какой-нибудь луже.

– Потихоньку, полегоньку... – сказал он вслух. Не спеша проверил болотоступы, зачем-то внимательно осмотрел свой шест.

– Пошли.

Болото булькнуло согласиём. Поколебавшись немного, Родрик всё же мысленно вознёс кратенькую молитву всем водяным и земляным исбри, которых смог припомнить, не особо, правда, надеясь, что из этого выйдет толк. В Бреотигерне его многие почитали за насмешника и безбожника, хотя сам Родрик себя таковым не считал. Просто сколько не молись Куанне, земляному исбри, или там его сестре-близнецу Ассе, покровительнице всех растений, ни единого росточка на поле не появится, ежели сам не пошевелишься.

Вот и сейчас: осторожно продвигаясь вперёд, за этими раздумьями Родрик ступил не туда, куда надо, и почти по колену погрузился в мягкую торфяную постель. Пошатнулся – и встал, не веря своему счастью. Обретя равновесие, Родрик осторожно потыкал шестом. Земля, как есть – земля. Туман здесь был такой густой, что в пяти локтях ничего не было видно. Родрик сделал шаг, другой – и едва не упёрся носом во внезапно вынырнувший из белёсой каши толстый сосновый ствол.

– Уф! – с чувством выдохнул он.

Оставалось надеяться, что это не просто очередной остров, и он выбрался, наконец, из проклятого болота. Родрик пошёл вперёд и вверх, по не очень крутому склону, стряхивая с себя листочки багульника и устало посмеиваясь: если судьба когда-нибудь ещё сведёт его со старыми знакомыми, ему будет, что рассказать в ответ на страшные истории о Круаховой Топи.

Туман, клочками висевший на берегу, вскоре рассеялся, однако наступающая темнота не давала возможности определить, куда Родрика завели боги. Это был обычный сосновый лес, с редкими елями и лиственницами, чем дальше – тем гуще. А под ногами – слава всем богам! – земля. Крепкая, устойчивая земля с похрустывающими сухими веточками и хвоей.

Он с силой топнул ногой, почти развеселившись. Твёрдая.

«Здесь переночую, – устало решил он, – а завтрачка с утра всё выясню». Если до этого Родрик шёл в верном направлении, то где-то к западу он должен наткнуться на реку под названием Тауи, отделявшую владения герцога Бедвира от Круаховой Топи, а дальше уже всё просто.

Нога. Родрик замер, вглядываясь. Хотя и сумерки, но сомнений быть не может: за деревом, шагах в десяти, на земле сидел человек, вытянув перед собой ногу в грязном сапоге. Похоже, он спал.

Проверив на всякий случай, легко ли меч вынимается из ножен, Родрик принялся крадучись обходить дерево по кругу. Точно: тот человек спал, привалившись к стволу и уронив голову на грудь. Без оружия, обхватив правой рукой левый бок. Родрик всматривался, дивясь всё больше.

Вот так раз... вот так подарочек. Гаран.

Родрик обнажил меч, подкрался к старому знакомцу и легонько тронул лезвием вытянутую ногу.

– Экая ты скотина, – негромко сказал Родрик.

Гаран поднял голову.

– Порезали они меня, – глухо произнёс он. Только сейчас Родрик заметил тёмное пятно, расплзшееся по камзолу под его ладонью.

– И поделом, – отозвался Родрик. – Если не они, так я бы тебя точно прикончил, старый ты мерзавец.

– А ты как будто по-другому поступил бы... они меня подловили. Что я мог сделать?

– Дурак ты, одно слово. И сволочь.

Гаран не ответил. Закрыв глаза и бессильно откинувшись назад. Поколебавшись мгновение, Родрик засунул меч в ножны и опустился на колени.

– Дай гляну, – сварливо буркнул он. Гаран испустил тихий стон, когда Родрик отвёл его ладонь. Ругнувшись сквозь зубы – стало уже слишком темно, – он поднялся, натаскал веток, достал из кожаного мешочка кремень с кресалом (ещё во время первой ночёвки он повесил его себе на шею), и запалил огонь.

Родрик аккуратно разрезал камзол и рубаху. Рана была дрянная: глубокая, с оголившейся полоской ребра.

– Плохо дело. Промыть надо бы... котелка нет. Как ты с такой дырой умудрился досюда добраться?

– Веревку перетёр и рванул в сторону, только один успел меня тесаком зацепить, – не открывая глаз, пробормотал Гаран. – Не знаю, как через топь перебежал, тут и свалился. Боюсь, не дотяну до утра.

– Погоди... ты здесь давно?

– Не знаю. Пробежал немного, и упал. С вечера. Пару часов.

Родрик задумался. Гаран путает, конечно. Просто долго в беспомощности валялся. Только странно, что так далеко сумел зайти с такой-то раной. Да и по болоту. И вообще, что живой – странно. Родрик видел немало подобных ран, при взгляде на которые даже неискушённому человеку становилось ясно – не жилец. К таким даже лекарей не звали, не было смысла. Не иначе, боги миловали.

– Петуха слышал? – помолчав, спросил Гаран.

– Петуха?!

– Да. Я на крик и побежал. Думал, может, деревня какая или на отшибе кто живёт. Не дошёл.

«Матолух мне в глотку». Родрик тоже слышал этого петуха-не петуха, только вчерашним утром. Неужели он два дня ходил кругами? Проклятье. Да нет, не может быть, такой большой остров он бы заметил. Хотя в тумане...

– И где он кричал?

– Там. – Гаран неопределённо дёрнул головой. – Я огонь видел. Полмили, не дальше.

Родрик поднялся, оглядываясь. Действительно: далеко, за деревьями, что-то тускло мерцало. Маленькое такое, если нарочно не смотреть, и не заметишь. И впрямь похоже на свет из окошка. Или фонарь.

– Я тебя донесу, – решительно сказал он.

– Не могу, – выдохнул Гаран. – Больно, Вил её дери.

– Донесу. А не то сдохнешь тут ещё.

Родрик подхватил Гарана за руку (тот слабо охнул) и взвалил его себе на спину.

– Не пищи. И имей в виду: как на ноги встанешь, я тебя приблю.

* * *

Хижина была старая и покосившаяся, с единственным окошком, забранном пузырём. Родрик опустил Гарана на мокрую от росы траву, привалив к вросшей в землю двускатной крыше; сам немного постоял, тяжело дыша, согнувшись и уперев ладони в колени.

– Тощий, а весит, как боров, – пробормотал он. – Сиди здесь, я посмотрю, что да как.

С противоположной стороны обнаружилась дверь, запертая на простой засов.

– Эй, есть хозяева? – крикнул Родрик. Исключительно для порядка, ибо заперта она была снаружи.

Не дождавшись ответа, он поднял засов. Дверь жалобно скрипнула кожаными петлями.

Никого. Чисто подметённый земляной пол, посередине – очаг с тлеющими углями, топчан с тюфяком у стены, застланный одеялом из лоскутов, ларь и стол на толстой ноге. Внутри глиняного кувшина с дырками горела лучина. Похоже было, что тот, кто тут живёт, только недавно вышел. С потолочной балки – Родрик даже икнул, и в желудке тут же плотоядно заурчало, – свешивались две палки колбасы. Поколебавшись мгновение, он сдёрнул одну и впился в неё зубами. «Заплачу, сколько скажут». Колбаса была ошеломительно вкусная: кровяная, с луком и кусочками жира. Жуя на ходу и проглатывая кусками, он отправился к Гарану.

– Есть будешь?

Тот отрицательно качнул головой.

– Пить...

Родрик доел до конца, раздумывая обо всём сразу. Потом подхватил несчастного подмышки, заволок внутрь и уложил на топчан. Гаран лишь постанывал.

В углу обнаружилось кожаное ведро, наполовину с водой. Родрик принялся искать что-нибудь вроде кружки, и только сейчас обратил внимание на мелкие штучки, в беспорядке разбросанные по столу: разноцветные бусины, костяные палочки и бляшки с резными знаками. Бабский хлам. Кружки он не нашёл, так что напоил Гарана прямо из ведра, щедро облив его водой. Выпил и сам – добрых две пинты, едва не захлебнувшись от жадности: колбаса была солёная. Эх... пива бы. Хмыкнул с удовлетворением: вот она, жизнь человеческая. Ещё час назад жевал остатки солонины и мечтал о глотке свежей воды.

Глянул на Гарана – тот, вроде, спал спокойно, хотя и хрипло дыша, – и вышел из хижины. Прошёлся и, выбрав подходящее местечко под корнями мёртвого дерева, с вздохом облегчения скинул с плеча мешок с золотом, засунул его поглубже, навалил сверху листьев и хвои. Потом вернулся в дом, подбросил в очаг пару хворостин – их связка лежала в углу – и уселся на чурбак возле стола, твёрдо вознамерившись дожидаться прихода хозяина жилища. Или, скорее, хозяйки, судя по безделушкам. Лучина, догорая, вспыхивала, и светильник паялился на Родрика подмигивающими глазками-дырочками.

Проснулся он от скрипа двери, даже не сразу сообразив, где находится. Светильник давно погас, и только догорающие в очаге угли отбрасывали на стены тусклые красноватые тени. Дверь приоткрылась и в щель опасливо заглянула голова с длинными волосами.

– Нижайше прошу прощения... – хотел начать Родрик, но вместо «нижайше» из пересохшей со сна глотки вырвался невразумительный хрип. Голова по-женски взвизгнула и исчезла.

– Хозяйка! – каркнул Родрик, вскакивая из-за стола. Нога споткнулась о чурбак, и Родрик повалился на пол, рукой прямо в угли. Крякнув от боли и проклиная собственную неуклюжесть, он едва не на четвереньках ринулся к двери. Напугал бабу, мать-перемать...

Выскочив наружу, он огляделся. Никого. Только тёмные стволы деревьев. Хоть глаз выколи, в трёх шагах ничего не видать. Странные люди. Бродят зачем-то по ночам, ходят.

– Добрая женщина! – крикнул Родрик. – Заплутали мы тут! Путники мы! Зла не хотим! Простите великодушно, ежели напугали!

Он замер, прислушиваясь, потом решил обойти вокруг дома. Хижина стояла посреди леса, на небольшой поляне и, вполне возможно, где-то неподалёку есть селение. Если женщина побежала туда, то... Родрик задумчиво почесал нос.

– Не бойтесь, хозяйюшка! – ещё раз без особой надежды позвал он.

...если туда, жди гостей. Если Родрик шёл в верном направлении, то это – земли Леофрика Бедвира, а может, герцогство Когар. Но в этих местах беглецов уж точно не ищут, погоня наверняка отправилась по Западному тракту, к Эллесмере. Трудно предположить, что кто-то в здравом уме пойдёт через трясины в самое сердце бедвировских владений, с густонаселёнными деревнями, городами и толпами стражников. Во всяком случае, сам Родрик рассуждал бы именно так. Он пожал плечами. Нет, он не побежит, хватит бегать. Опять в болото? Благодарствуем, удовольствие уже с лихвой получили, на ближайшее время нам хватит. Да и Гаран этот, будь проклят, лежит недвижимый.

Родрик уселся на поваленный ствол перед хижинкой, положил руки на колени и попытался придать лицу глуповато-миролюбивое выражение.

Какое-то шестое чувство подсказало ему обернуться. Так и есть: с дюжину, а то и больше факелов мелькали за деревьями, быстро приближаясь. Родрик встал, поправляя пояс, чертыхнулся, и ринулся в дом. Отстегнул ножны с мечом и засунул под топчан – лучше уж пусть видят, что он не вооружён. Раздул угли, запалил смолистую ветку, и с широкой добродушной

улыбкой вышел за дверь – только затем, чтобы ощутить резкую боль от чего-то твёрдого, треснувшего его по лбу.

Глава 3. Добрые жители селения Кадван

Родрик с трудом разлепил веки. В голове бухало и трещало, виски пульсировали резкой болью. Не иначе, камнем из пращи залепили. Руки и ноги затекли так, что он не в силах был пошевелиться. Хотя... нет. Родрик подвигал пальцами. Он был просто крепко привязан к чему-то враскорячку, и голова тоже прихвачена, похоже, кожаным ремнём. Сверху нависали прокопченные балки; солома лезла из крыши. Рядом гудел огонь, обжигая бок; повсюду плясали тени. И вдруг чья-то рука, мелькнув перед лицом, прижала к его груди раскалённую докрасна железку. Родрик взвыл и задёргался как червяк. Железку тут же отдернули. Родрик опал всем телом; по лбу текли ручейки пота, воняло палёной кожей.

– Оно выходит, выходит... – забормотал кто-то рядом.

Родрик скосил глаза, насколько смог, пытаясь понять, где он и что творится. В глаз тут же затекла солёная струйка.

Возле очага стояли двое: крестьянского вида здоровенный мужик в безрукавке мехом наружу, и лохматый подросток лет пятнадцати, голый до пояса, в замасленном кожаном фартуке. Он-то и держал ту самую железку; руки его дрожали, а глаза круглились от ужаса.

– Нет, не выходит, – сказал мужик. Кажется, он тоже был слегка испуган. – Годви, надо ещё ко лбу приложить, тогда тварь точно сдохнет...

– Я к нему не подойду больше! – взвизгнул мальчишка. – Сами, если хотите...

– Какая тварь? – хрипло выдохнул Родрик. – Кто вы такие?

Подросток взвизгнул ещё раз и, выронив железку, упавшую на пол с каменным стуком, пустился наутёк. Раздался звук хлопнувшей двери. Крестьянин тоже было попятился, но не побежал. Помедлив, он достал из-за пазухи склянку и, трясаясь как лист на ветру, мелкими шажками приблизился к Родрику на расстояние вытянутой руки.

– Кто вы такой? – просипел Родрик. – Что вам надо? Денег?

– Молчи, Вилово отродье! – Мужик попытался крикнуть грозно, но в конце его голос сорвался на писк. Он налил из склянки в ладонь и, словно боясь обжечься, брызнул на Родрика. Тот дёрнулся, но, кажется, это была просто вода.

– Изыде, порожденье Вила, от храма и от дому сего, от дверей и от всех четырех углов, – завывая, начал крестьянин. – Нет тебе, Виллов сын, здесь участия, места и покою, здесь чистое место, здесь силы небесныя ликовствуют, здесь отец всего сущего Эогабал и праматерь Боанн, святые Этельберт и Гелла и ныне и по всей вселенныя, по ним же полки держит святой Брендан, палицу сжимая. Не делай пакости, дьяволе, сему месту и дому, и человеку, и скоту, и всем детям Божиим, беги отсюда в Гленкиддирах, где твой истинный приют, и тамо да обретайся. Слово мое крепко, яко камень, мысли мои...

Невидимая Родрику дверь открылась и мужик, глянув туда, замолк.

– Что здесь происходит? – Старческий выкрик будто хлестнул его по щеке.

Мужик набрал в грудь воздуха.

– Тебя, преподобный, найти не смогли, а народ боится. Весь сход решил, что я, как скир этих земель...

Родрик извивался ужом в попытке разглядеть, кто там пришёл. Мимо, стуча клюкой по полу, проплыл старик в белой холщовой сутане, слегка несвежей. Длинные седые волосы стелились по его плечам.

– А если сход решит, что ты должен грехи отпустить?

– Ну, отчего же... – приосанился мужик. – Слова я знаю.

– Вот так оно и получается, уважаемый Пибба: раз человек слова знает, начинает думать, что умеет говорить.

Мужик наморщил лоб.

– Не понимаю.

– Об этом будет моя следующая проповедь. А сейчас ты можешь идти и успокоить почтенных прихожан. Им ничего не угрожает.

Пебба, бормоча под нос, направился к выходу. Родрик закашлялся. Ожог на груди болел нестерпимо.

– Что вы хотите от меня, преподобный?

Ответить тот не успел. Или просто не услышал. Дверь вновь распахнулась, и в дом кто-то влетел. Едва не сбив старика с ног, перед ним возникла взъерошенная женщина с рыжими волосами почти до пояса. Она встала, уперев руки в бока. Её лица Родрику не было видно.

– Отдайте его мне! Он мой, я ж объяснила...

– Боюсь, дитя моё, Круг будет против.

– Круг-то как раз не будет против, – заявила она. – У нас и так на двух баб один мужик.

– Девочка моя, – старик не говорил, а как будто поскрипывал, – если не Круг, так его милость Экхарт. Ты же сама знаешь...

– Да его милость сюда только длинным летом наезжает и, можно подумать, всех по лицам помнит, – запальчиво перебила его женщина, – а мне что делать? Сворн девять зим назад замуж вышла, Беонна – пять, а мне-то как – девкой помирать? Или к Пеббе молодой женой идти?

Перед глазами плясали зайчики, но Родрик готов был поклясться, что старик фыркнул в седую бороду.

– А не ты ли двум женихам подряд от ворот поворот дала? Дело не в том, кто когда наезжает. Мне ли тебе напоминать? И не ты ли час назад всех на уши подняла, кричала, что у тебя в доме песиголовцы? И где ты ходишь по ночам?

– Никого я не поднимала, – сердито заявила женщина. Кажется, она была совсем молода. – Он прямо у жбана с капустой сидел, что я могла подумать? Темно было. Вы ж сами видите, что никакой не песиголовец...

– Я задал тебе три вопроса, и ты не ответила ни на один. – Старик кивнул почти удручённо. – Сейчас для них не время, и луна не полная. Внешне – да, не похож. Но глаза имеют свойство обманывать. Пятнадцатый день покажет...

– Я ответила! – вызывающе сказала женщина. – Я не виновата, что вы ничего не понимаете! Ну, пожалуйста! – И топнула ногой. «Пожалуйста» никак не вязалось с её голосом. – Я у сторхов спрашивала, мне святая Аберта сказала...

Старик в ужасе замахал руками.

– Что ты говоришь такое?! У сторхов? За Белый ручей никому...

– Я тихо-о-нечко, – протянула девица, – бы-ыстренько. Мышкой туда-обратно. Сами ж сказали: для них сейчас не время. И я гадала ещё. Матушкиными камнями. И знаете, как камни выпали?..

Старик рассердился.

– Замолчи. У тебя, Эирлис, в голове – каша. Ты злоупотребляешь моим к тебе отношением. То, что пришло из Топи... даже говорить об этом не хочу.

– Да может, вовсе и не из Топи. Он говорил, что заблудился, я слышала. Может, из Ладлоу, или Бейлаха, или...

– Ты ошибаешься, – нахмурился старик, – он совсем не из наших краёв. Посмотри на него. Он пришёл оттуда. Мы не можем рисковать.

Родрик решился крикнуть. У него тоже в голове была каша, пожалуй, даже с комками, грудина болела нещадно: песиголовцы какие-то, капуста, порождения Виловы, сторхи...

– Ничего, что я прерву вашу беседу? – Старик и девица мгновенно повернулись в его сторону, уставившись на Родрика как мыши на змею. – Мне очень больно, Вил его дерит. Раз я не тварь, и время для меня ещё не пришло, может, объясните, что к чему? Или хотя бы развяжете? Я ни в чём не виновен, клянусь...

Девушка стояла, закусив губу. В иных обстоятельствах Родрик не преминул бы запримечать такую красотку: большие тёмные глаза, точёный носик, остренький подбородок. Может, только рот чуть великоват. Очень хороша, лет семнадцати, не старше.

Старик очертил в воздухе рукой фигуру, похожую на медальон, висевший у него на шее: треугольник, заключённый в круг, и что-то пробормотав под нос, сделал шаг к Родрику.

– Раз уж господин твой наделил тебя способностью говорить на человеческом языке, во имя отца всех богов, заклинаю, ответь, кто ты, и зачем решил в неурочное время потревожить покой добрых людей?

– Преподобный... – У Родрика пересохло в глотке, ноги были привязаны так туго, что он их уже не чувствовал. – Я не понимаю. Какой господин? Какое время? В чём меня обвиняют? Я шёл из Подгорья, заблудился на болотах...

Лицо старика потемнело.

– Это ложь.

– Преподобный...

– Достаточно. Я услышал то, что ожидал. – Монах презрительно отвернулся.

– Отец! – слабо пискнула девушка.

– Эйрлис, – строго произнёс старик, – ты слышала сама. Чёрная сущность этого оборотня лжёт. Я удивляюсь лишь, что ему удаётся так долго обманывать наши глаза. Мы ни разу не видели порождений Вила, сходство которых с людьми столь удивительно.

– А как же моя мать?!

– Она не пришла. Река принесла её. Люди оттуда не приходят. Там нет никого.

– Ах, вот как?! – Девушка подбоченилась, вновь оперев руки в бока. – И именно поэтому вы каждое лето по топи бродите, кого-то выискиваете? Иль ввали мне всё время?

Старик вздохнул.

– Ты права. Это сложно объяснить. И оно... может быть опасно. Я не уверен. Сказанное тобой он может выпить и использовать против тебя, обволакивая твой разум. Идём. – Он взял её за руку.

– Но святая Аберта...

– Идём, – решительно повторил старик.

– Да что за ведовщина тут творится?! – выкрикнул Родрик. Они, не обратив внимания на его вопль, направились к выходу. Родрик трепыхнулся ещё раз, до боли напрягая мускулы, но кожаные ремни держали мёртвой хваткой. – Выпустите меня!

Дверь открылась и закрылась, впуслав порыв холодного ветра.

– Да чтоб вас нек сожрал со всеми потрохами! – яростно рявкнул Родрик.

Он ослабил мускулы, успокаиваясь. Что в этой деревне творится, в самом деле?! В его голову закралось смутное подозрение, однако ж, может быть, дело обстояло совсем не так худо, как он начал представлять.

Это было давно, лет двадцать тому назад или около того, когда Родрик был ещё безусым юнцом. Его отец Харольд Оргин за свою верную и долгую службу королю Этельреду получил герб и в держание замок с крохотной деревенькой под названием Харлех, далеко на юге. Насколько помнил Родрик, едва ли не на краю Гриммельнской чащи. Но, слава богам, хоть это: вскоре после того король Этельред умер. Харольд с семейством отправился в новообретённое поместье, несмотря на страшное недовольство Родрика. Во-первых, физы всегда были народом воинов без страха и упрёка, и Родрик с нетерпением ждал того часа, когда ему будет дозволено взять настоящий меч и прославить своё имя. Что ему делать там, в богами забытом Харлехе, за тридевять земель от родных мест? Учиться помещицкому ремеслу? А во-вторых, если и учиться, то не ему: Родрик был младшим сыном в семье. Протянув там немногим меньше года, Родрик сказал родным «прости-прощай». К слову, отец препятствовать не стал. Только обнял крепко, и отдал ему свой меч. Ему, а не старшему брату, и Родрик это оценил. Мать

собралась было завывать воем, но старый Харольд глянул на неё сурово, и та лишь коснулась лба сына дрожащими губами.

По дороге на север – для наёмника там всегда найдётся работа, – Родрик миновал мёртвую деревню с гроздьями повешенных, болтающихся на раскидистых дубах, а среди них – и женщины, и дети. Это его удивило: войны в этих краях не велось, и местные эорлины, в отличие от своих северных собратьев, жёстко и подчас чрезмерно жестоко преследовали нарушителей мира. На севере было всё просто: кровь за кровь, месть за убийство, которое и преступлением, в общем-то, не считалось. Каждый имел право взяться за оружие, чтобы ответить на обиду. А на юге убийца не мог рассчитывать на то, что ему дадут с мечом в руках отстоять своё право на жизнь. Суд здесь был один – господский.

В постоялом дворе близ Килхурна один солдат, пожав плечами, в ответ на расспросы бросил:

– Фанатики.

По его словам выходило, что после того, как нежить выбралась из Чёрных гор, во многих местах народ будто посходил с ума: доморощенные проповедники вещали о скором конце мира, и даже приносили человеческие жертвы, надеясь отвратить от себя ярость тёмного бога, но вместо этого вызвали гнев своих собственных лордов.

– Туда им и дорога, – звучно рыгнув, закончил тот солдат. – Даже и не думай, парень: тебя бы эти изуверы не пощадили. Говорят, людей заживо жгли, пляски вокруг устраивали, да моления непотребные устраивали.

В животе сделалась слабость, и Родрик мысленно вознёс самую горячую просьбу к пра-матери Боанн. Только бы он ошибался, и судьба не занесла его в подобное место! Ладно бы в бою, с мечом, но кончить жизнь как какой-нибудь поджаренный хряк... И как там Гаран, кстати? Или эти безумцы тоже его где-нибудь привязали, да калёными железками жгут?

Он попробовал ещё раз растянуть ремни, стягивающие запястья. С правой стороны путы еле-еле начали тянуться, скрипя. Кожа, похоже, была сырая, так что ещё полчаса, может, быстрее, и должно получиться. У Родрика на лбу выступила испарина. Только бы никто не пришёл.

Родрик пыхтел, сопел, тянул и крутил рукой, стискивая зубы. К боли от ожога, на лбу и в затылке добавилась ещё боль в запястье: казалось, скорее получится оторвать кисть, чем эти проклятые ремни. Если бы удалось повернуть голову, он смог бы лучше оценить, как и что надо делать. Родрик что было мочи напряг шею, и в этот момент – о, чудо! – его правая рука освободилась.

– Удирает, дьяволово семя! – вопль со стороны двери заставил его вздрогнуть. Проклятье! Чуть было не с волосами он сдёрнул с головы удерживавший её ремень. «Только дайте другую руку развязать, покажу, почём фунт лиха!» И в то же мгновение, захрипев, повалился на спину. Удавка сжала его шею – одна, вторая, третья.

– Крепче держи! – орали рядом. – Не вошёл ещё в силу, Вилово отродье!

– Не удуши его, смотри!

Глаза у Родрика закатились, он бессмысленно молотил правой рукой, ни до кого не доставая.

Очнулся он от ушата воды, которую вылили ему на лицо.

– Вставай!

Удавки по-прежнему сжимали горло, не давая дышать. Сипя, Родрик сделал попытку подняться, но ноги подкосились, и он бухнулся на колени. Упасть ему не дали: трое или четверо мужчин держали его укрюками – длинными палками с петлями на концах, которые на юге используют для ловли лошадей.

– А ну, пошёл!

Ковыляя, Родрик двинулся вперёд; мужчины немилосердно дёргали его вправо-влево. Руки и ноги, тряпочные от слабости, ныли страшно.

Снаружи моросил дождик. Было ещё темно, лишь едва уловимая небесная серость намекала на начало нового дня. Родрика сбили с ног, надели на него железный ошейник, сняли удавки и ушли, негромко переговариваясь. Родрик улёгся прямо на землю, лоя капли ртом, и закрыл глаза.

* * *

Родрик сидел, привалившись спиной к каменному столбу, и осматривался через прикрытые веки, стараясь не шевелиться и вообще не привлекать к себе внимания. Мокрые волосы облепили его лицо, но так было даже лучше: со стороны могло показаться, что он спит, хотя из тех, кого его персона хоть как-то интересовала, в пределах видимости имелась лишь тощая рыжая псина. Псина лежала возле стены соседнего дома, поджав хвост, уткнув морду в передние лапы, и уныло на него пялилась.

Увиденное его поразило. Это была не деревня, а скорее город: с замощённой крупным булыжником центральной площадью, каменным же большим колодцем по грудь высотой, с полустёршимися от старости ступеньками и островерхим навесом. Родрик сидел от колодца на расстоянии шагов десяти. «Не бояться, что ли, гады, что я туда плюну, и все от ядовитой слюны передохнут? – мстительно подумал он. На самом деле ему дьявольски хотелось пить и не меньше хотелось забраться под этот самый навес. Дождь так и не перестал, и Родрик сидел в луже воды, обхватив колени и мелко дрожа от озноба. О еде он даже не помышлял, вернее, старался не думать о колбасе, а также об острой чечевичной похлёбке, чесночных хлебцах, которые так хорошо удавались матушке Лейфи, хозяйке постоянного двора в Глиннете, рюмке горькой настойки, куске до корочки прожаренной свинины с перцовым соусом, горке гороха, или нет – большой плоске с тушёной капустой, кружке пива с шапкой пены, и ещё о... Вил их всех подери.

Город был богатым и бедным одновременно. Вернее, некогда богатым.

Родрика окружали тесно прижавшиеся друг к другу двух, а то и трёхэтажные дома, некоторые на каменных фундаментах, с очень высокими крышами. Стропила тянулись вверх и, скрещиваясь, оканчивались оскаленными драконьими мордами, готовыми вцепиться в низко висящие свинцовые тучи. От площади веером разбежались улочки, такие узкие, что если бы те драконы повернули морды, то с большим успехом смогли бы попробовать покусать друг друга. Улочки были тёмные, с нависавшими вторыми этажами, чудом державшимися на древних каменных или бревенчатых подпорках. На цепях визгливо покачивались вывески: таверна, лавка травника, мастерские сапожника, скорняка, однако цепи были ржавые, а вывески имели такой вид, словно их нарисовали ещё при Эдгаре Длинная Шея, и с тех пор не подновляли. С покосившихся стен домов пластами отваливалась штукатурка, оголяя деревянные рёбра остовов. Всё серое и чёрное, будто мёртвое... да, подумал Родрик, именно мёртвое. Издыхающее. С первого взгляда он решил бы, что город вообще заброшен, если бы не цепь на шее, ясно свидетельствующая о том, что случившееся ему не привиделось, да звуки, изредка доносившиеся из тёмных окон.

И вот что странно (Родрик ещё раз обвёл взглядом площадь): ставни и двери. Дома старые, а ставни новые, крепкие, с железными петлями и оковками. Те окна, на которых ставней не было, намертво заколочены толстыми досками, причём некоторые из них имели вполне свежий вид – ещё совсем не тёмные, желтоватого ясеневое цвета, с матово поблёскивающими шляпками гвоздей. Похоже, местные жители очень заботились о том, чтобы законопатить любую щелочку, через которую ветер мог проникнуть в их жилища.

Утро, а на улицах никого нет. Наверное, подумал Родрик, это из-за дождя. Погода действительно стояла мерзкая: холодная и промозглая. Пропитанный влагой воздух отсыревшими пятнами сползал по стенам домов. Вдалеке – со всех сторон, – клочьями висел туман, лишь изредка в прорехах серой дымки мелькали зубчатые скалы, и похоже было, что селение стоит в долине. Если это действительно скалы, а не клубы чёрных облаков, то там – Нордмонт. Других таких высоких гор на пятьдесят миль в округе просто не имелось, да и за те два дня, что он кружил по болоту, он никак не мог пройти даже трети этого расстояния. Но уже и это хорошо, решил Родрик: ежели богам будет угодно, чтобы он вырвался из этого проклятого места, он знает, куда идти.

Родрика смущало одно обстоятельство, вернее, два: во-первых, эти скалы казались уж слишком близкими. А во-вторых, дорогу из Бреотигерна на юг он знал хорошо. Она здорово петляла по лесу, потому что правобережье реки Тауи было сильно изрезано в тех местах, и так или иначе проходила через все крупные селения: Глиннет, Кармартен, Пеннант, Талли, дюжину деревень помельче и два монастыря, если не считать добрых полутора десятков сторожевых крепостей. Но там не было – Родрик готов был поклясться спасением души, – там не было городов, подобных этому. Никаких каменных домов, только обычные вилланские развалюхи-мазанки с крышами из тростника. А здесь, даже если судить по тому, что он видел с площади, живёт не меньше тысячи душ. И – как там говорила та рыжая девка? – Ладлоу, Бейлах – таких названий он не знал вообще. Нету в герцогстве Бедвир таких деревень. Может, Гаран знает, он всё-таки в здешних местах с детства обретается? Родрик мысленно кивнул сам себе: ежели получится, перво-наперво надо будет найти этого старого негодяя.

Родрик охнул.

Камешек, прилетевший невзвестно откуда, попал ему прямо в ухо и, отскочив, со стуком покатился по мостовой. Родрик обернулся. Шагах в двадцати стоял какой-то щенок, мелкий сорванец в штопанной-перештопанной рубахе до колен, и смотрел на него с ожиданием. Вроде как оторвал мухе крылья и теперь следил внимательно: полетит или не полетит. Родрик сделал попытку дотянуться до камешка, и мальчишка отскочил в сторону, завывая:

– Ма-а-ма! Мама!

Из дверей ближайшего дома, того самого, с рыжей псиной, показалась женщина. Она опрометью кинулась к своему отпрыску и схватила его за шиворот, попутно наградив подзатыльником.

– У него камень! – завопил мальчишка, трепыхаясь. – Он хотел меня убить!

Женщина молчала. Она глядела на Родрика почти с ужасом, руки её тряслись. На вопли немедленно начал собираться народ: из дверей, из закоулков, как будто они сидели там и только ждали сигнала.

– Эй, эй! – крикнул Родрик. – Ничего я не хотел!

Ответом ему было тяжёлое молчание. Люди подходили медленно, как тени появлялись из ниоткуда (Родрику даже показалось, что некоторые словно выдавливаются из серо-чёрных стен), все одинаковые: в тёмных платьях, штанах, рубахах и плащах, натянутых на головы, простоволосые, и все с одинаковой настороженностью сверлили пленника взглядами. У Родрика засосало под ложечкой: многие мужчины сжимали в руках вилы, рогатины или топоры. Чуть поколебавшись, он встал во весь рост, звякнув цепью. Слегка поморщился: ожог на груди продолжал ныть.

– В чём меня обвиняют? – громко спросил он.

Люди замерли.

– Сжечь оборотня! – вдруг взвизгнула женщина с мальчишкой, и её крик был тут же подхвачен: – Сжечь! Смерть!

– Пусть отправляется к своему хозяину!

Толпа наступала кольцом, выставив перед собой оружие. Родрик вжался спиной в каменный столб, на мгновение прикрыл глаза. «Но уж лучше пусть так, чем на костре, как поджаренный бекон».

– Гав! – издевательски крикнул он, и бросился на ближайшую рогатину, длинную, с кованым остриём. Проклятье... то ли мужик с рогатиной отпрянул, напуганный его рыком, то ли цепь оказалась слишком короткой, но Родрик, всхрипнув от резкой боли, повалился на мостовую. Вокруг стоял дикий ор. Люди кричали, показывали на него пальцами, но никто больше не тыкал своими палками.

– Кровь...

– У него кровь!

– Красная!

Неловко извернувшись, Родрик встал на колени. Его рубаха была разорвана, ещё с прошлой ночи, и теперь на груди помимо ожога красовался глубокий порез, видимо, от той самой рогатины. Болваны... а чего они ожидали, тыча в человека железками? Конечно, кровь. Разумеется, красная.

– Во имя святого Брендана! Что вы творите, дети мои?!

Родрик поднял глаза. Через толпу протиснулся тот самый седовласый отче с медальоном.

– У него кровь! – крикнул кто-то. – Красная!

Старик сверлил Родрика взглядом. Опасливо наклонился, рассматривая рану. Тронул пальцем и зачем-то понюхал. Потом поднял руку, и людской гомон сам собой затих.

– Такого не случалось уже более двухсот зим, – возвысил голос монах, оглядывая толпу. – И мы должны быть осторожны и не поддаваться на искушение. Я известил его милость, и он скоро прибудет сюда. А когда – молитесь, дети мои! – наступит срок, то так или иначе господь явит нам свою волю, и мы отделим агнцев от козлиц.

Народ глухо заволновался, перешёптываясь.

– Ордви, Мабог, – продолжил старик. – Возьмите этого... человека, и отведите его в Круглый дом. Нет крепче защиты для доброй паствы, чем божьи...

В голове Родрика мутилось: от боли, от жажды, голода, от всего сразу, и последние слова он слышал как сквозь шум морского прибоя. Очередная волна, тёмная и огромная как дом, накатила, и унесла его с собой.

Глава 4. Снежинка

– Эй...

Родрик открыл глаза. Зажмурился и открыл опять: в первое мгновение ему показалось, что он ослеп. Темень стояла крошечная. Родрик покрутил головой. Кажется, там, откуда доносился голос, было что-то вроде отверстия под самым потолком, чёрного на фоне тёмно-тёмного.

– Эй, ты слышишь?

– Добрый человек, – просипел Родрик, – у тебя есть вода?

Наверху, похоже, впали в замешательство.

– Ты хочешь пить? Сейчас.

«И пить, – подумал Родрик, – и есть».

Язык шевелился во рту с наждачным скрежетом. На шее по-прежнему болтался железный ошейник, уже изрядно растёрший кожу. Родрик нащупал цепь: другим концом она крепилась к скобе, вбитой в каменную кладку. С трудом поднявшись на ноги, он вслепую принялся исследовать своё новое жилище. Темница оказалась четырёхугольной и довольно просторной – трёх шагов в ширину (Родрик еле дотянулся пальцами до стены) и чуть больше в длину, насколько можно было рассмотреть, с запертой дверцей по грудь высотой. Ни скамьи, ни стола, ни стула – везде грубо обтёсанный камень. Там, где Родрик и предполагал, действительно обнаружилось узкое окошко, скорее лаз с лоскутом звёздного неба далеко-далеко. С той стороны виднелись жухлые стебельки прошлогодней травы, а стало быть, камера находилась ниже уровня земли. Стены были толстые, не меньше двух локтей.

– Эй, держи... только отойди подальше.

Голос был женский. О, вдруг подумалось Родрику, кажись, это та самая рыжая девица.

– Зачем отойти? – спросил он.

Она помолчала немного.

– Я... боюсь.

Глупая. Родрик, даже если и захотел бы, не смог бы до неё дотянуться. Но он послушно сделал шаг назад. По лазу с шорохом пролетел небольшой кожаный бурдюк и шлёпнулся на пол. Родрик вытащил затычку и с жадностью припал к горлышку. Вода была свежая и холодная.

– Ежели боишься, зачем воду принесла? – спросил он в перерыве между глотками.

– А затем, что моя мать тоже когда-то сюда пришла. Как и ты, из Топи. И такого с тех пор не случалось.

– И откуда же она пришла?

– Не знаю. Я совсем маленькая была, когда её... забрали.

– Кто забрал?

– Слушай, – решительно сказала девица, – я тут не затем, чтобы отвечать на твои вопросы. Затем, чтобы ты ответил на мои. Скажи: ты правда человек?

– Кто же ещё? – буркнул Родрик. Помолчав, добавил: – Добрая девушка, а не найдётся ли у тебя какой-нибудь еды для голодного?

– Если скажешь, что я хочу знать.

– Всё, что захочешь.

Оказалось, у неё с собой уже была краюха хлеба и небольшой ломоть копчёного бекона. Родрик вгрызся в божественную снедь, не забывая прихлёбывать из бурдюка.

– Как тебя... – донеслось из окошка.

– Обожди, милая девушка. – Родрик вытер рот рукавом. – Со мной был товарищ. Не знаешь ли, что с ним стало?

– Он у меня дома. Я никому не сказала, что есть ещё один. Но он плох, очень плох. Я рану промыла, как могла, живицу с маслом наложила, но я не знахарка. А знахарке его показать не могу. Но хватит, – строгим голосом закончила она. – Ты обещал ответить на мои вопросы.

– Валяй, – согласился Родрик.

– Есть у тебя имя? И как ты оказался в наших краях?

– Я Родрик из рода Оргинов, солдат на службе его высочества... – Родрик запнулся, раздумывая. – Неважно. Просто солдат. Мы с другом шли из Подгорья и заблудились на болоте.

– Родрик? Красивое имя...

Родрик фыркнул.

– ...Подгорье – где это?

– Это деревня в двух днях пути отсюда. Наверное, к северу.

– В двух днях? – повторила она. Родрик прямо-таки представил, как эта рыжая сидит перед дырой, наморщив лоб от напряжения. – Такого не может быть. Преподобный Сигерд все земли вокруг знает. Ни в двух, ни в десяти днях отсюда нет ничего. Ни-че-го. Поэтому он тебе и не поверил.

– В таких местах легко не заметить какую-нибудь тропинку.

Девушка помолчала немного.

– Но я тебе верю.

– Почему это? – изумился Родрик.

– Сейчас не скажу. А откуда у твоего друга рана?

– Разбойники. Потому мы и побежали не туда, куда следовало.

– Солдаты – и побежали?

– Когда пятеро на одного, вытаскивать меч – это не храбрость, а глупость.

– У тебя смешная причёска, – вдруг невпопад выдала она.

Родрик пожал плечами.

– Я из физов...

– Физов? Никогда не слыхала.

– Это народ на севере Нордмонта. У нас мужчины вообще голову бреют, только коса из затылка торчит. А я давно на югах живу, поэтому не брею, но коса – это знак. Чтоб неприятель знал, с кем дело имеет.

– Хорошо. Кажется, ты и правда человек. Всё, я должна идти.

– погоди! – Родрик переполошился. – Скажи, что со мной хотят сделать? Почему держат здесь? Кто лорд этих земель? Как это место называется? Почему меня посадили на цепь? В чём обвиняют? Что это за...

Девушка тихо засмеялась.

– Ишь ты... даже у меня в голове нет такой кучи вопросов. Вот выберешься оттуда, тогда и поговорим.

– Как выберусь? – едва ли не с отчаянием выдохнул Родрик. – Меня отпустят?

– Я должна идти.

– Подожди! – крикнул Родрик.

Ответа он не дождался. В сердцах ругнувшись, Родрик вновь уселся на пол.

* * *

– Эй...

Родрик встрепенулся и подскочил к окошку.

Он просидел взаперти день, ночь, следующий день и ещё полночи, и за всё это время ему и не подумали принести ни еды, ни воды. Если бы не та добрая девушка, он бы уже сдох от жажды: её фляги при разумном потреблении ему хватило на весь день. О еде Родрик старался

не вспоминать, но это было трудно; его желудок, похоже, решив, что хозяину он больше не понадобится, обиделся, свернулся в клубок и заснул где-то в уголочке, отзываясь болезненным стоном на любую мысль о съестном. Когда он последний раз нормально ел, не считая колбасы в доме той девушки?

– Я принесла тебе кое-что. Здесь пирог с капустой и пиво. Но только бутыль верни, а то у меня нету больше.

Ах, какая деваха. Умница – знает, что мужику надо. Из окошка показался холщовый мешок, привязанный к верёвке. Родрик торопливо его развязал, вытащил пирог, завёрнутый в тряпицу и глиняную бутылку, перелил пиво в флягу и положил бутылку обратно в мешок. Тот с тихим шорохом пополз наверх.

– Спасибо, добрая девушка. В долгу не останусь, поверь. Как тебя зовут, красавица? С той стороны лаза хмыкнули.

– Так уж и рассмотреть успел? Зовут Эирлис...

Точно, вспомнил Родрик, именно так назвал её тот святоша. А рассмотреть – ну, не так уж и хорошо, но успел. Очень милая.

– Эирлис, – сказал он, задумчиво жуя пирог, – это значит...

– Снежинка.

– Точно. Но ты скорее... огонёк.

– Когда как. Но я вот что сказать хотела: нынче утром её милость с внучком приехала, я подслушала, о чём она с преподобным говорила.

– Её милость? Кто это? Я не из этих мест, девушка.

– Баронесса Кадвана, Ладлоу и прочая и прочая. А внука Экхарт зовут, но он ещё совсем мальчишка.

– А кто у неё сеньор? – встрепенулся Родрик. – Герцог Бедвир? Или, может, Когар?

– Не слыхала таких. Нет над нашими господами сеньоров. Да и вообще никаких сеньоров, кроме них, нет. Герцоги? Да, я знаю, были такие, давным-давно, мне отец Сигерд рассказывал. Но это уж тыщу зим назад.

– Тысячу? Хм... и о чём же говорили? Эта баронесса?

– О тебе. Её милость желает тебя к себе забрать, не знаю зачем, а отец Сигерд думает, что уитенагемот этого не позволит.

– Уите... кто?

– Уитенагемот. Совет мудрых. Он правит, пока лорд Экхарт в возраст не вошёл. А её милость Брегис очень сердилась и клюкой стучала...

– Почему эти мудрые не позволят? Извини, девочка, но я ни грана не понимаю. Что я сделал такого, какой закон нарушил? Ежели только из-за того, что в твой дом без приглашения зашёл...

Эирлис молчала так долго, что Родрик забеспокоился.

– Они... – наконец, протянула она, – они думают, что ты не человек.

– Да что за ведьмовщина! – Родрик рассердился. – А кто я, матолух мне в глотку? Здесь есть закон, или только одержимые, которые самосудничают? Людей без вины на цепь сажать...

– Ты не понимаешь. Ты не из этих мест, а те, которые в лесу, каждую зиму сюда приходят. Вот народ и боится.

– Вот оно что. – Родрик задумался. – Кто из лесу приходит? Гладды? Разбойники? Они думают, что я один из них?

– Нет, не разбойники. Я не смогу объяснить. Преподобный Сигерд сможет, но не знаю, станет ли. Но я знаю, как тебя вызволить, есть один способ. Мне старая Гера подсказала. Надо только, чтоб ты молчал, и мне не противоречил, когда спрашивать будут.

– Ежели и правда вызволишь, то я согласен. Но скажи мне, милая Эирлис, зачем ты мне помогаешь?

Девушка помолчала немного, потом до Родрика донёсся её вздох.

– Так и быть, скажу. Я в ту ночь перед сторхами гадала, и святая Аберта поведала, что тот мужчина, которого первого на обратном пути увижу, мне предначертан.

Родрик поперхнулся остатками пирога.

– Чего?!

– Да. Тебя и увидела.

Родрик ошеломлённо покачал головой. В этой деревне определён кто не фанатик, тот сумасшедший.

– Сторхи – они плохого не пообещают, – продолжила Эйрлис, – стало быть, я тебе верить должна. И вот ещё что: думаю, тебя с утра выведут. Зима уж скоро, медлить нельзя.

– Зима? – недоумённо буркнул Родрик. – Бычий месяц на дворе...

Ответа он не дождался: девушка упорхнула так же неслышно, как и пришла.

* * *

К той цепи, что крепилась к ошейнику, добавилось ещё две, от кандалов на запястьях. Родрик шёл, раскинув руки: другие концы цепей, настороженно на него глядя, держали крепкого вида мужчины. Толпа народа окружала площадь, хмурая и жёсткая; многие сжимали в руках дубинки или короткие рогатины с коваными наконечниками.

Родрика это потрясло. Ладно бы дхарг какой-нибудь или тролль ростом в три человеческих, с зубами, на которых мясо человежье висит – это понятно. Такую тварь на крепкой узде держать надо, но он-то что? Чего они все боятся?

Утро выдалось на удивление погожим; выглядывавший из-за горных пиков солнечный диск немилосердно слепил глаза. Родрик в недоумении шурился на далёкие вершины: Нордмонтские горы он знал хорошо, но это не было на них похоже. «Да и встаёт-то солнце на востоке, – обескураженно думал он, – а Нордмонт – он на севере». Долину, в которой располагалось селение, почти со всех сторон окружали заросшие лесом скалы, высокие и кривые, как если бы в древние времена чья-то гигантская рука струйкой, каплей за каплей пролила на землю мокрый песок, закаменевший уродливыми наростами. Вдали на вершине одной из гор угадывался замок, и оставалось только догадываться, каких усилий стоило его возведение. Наверное, баронский.

Родрика подвели к дверям высокого дома, стоявшего отдельно от прочих, и ткнули в спину дровком. Родрик едва не потерял равновесие. После дневного света ему понадобилось несколько мгновений, чтобы глаза привыкли к сумраку комнаты.

Зала оказалась обширной, вытянутой в длину, с деревянными столбами, поддерживавшими потолочные балки, тусклыми шпалерами на стенах, и ещё более тусклым светом, еле пробивавшимся сквозь серую слюду окошек. Внутри огромного камина полыхало целое дерево. У стен толпилось дюжины две человек. Вполоборота к камину стояли два трона, точнее, стула с очень высокими спинками; на том, что слева, величественно восседала женщина.

Баронесса была возраста непонятного, но определён не первой молодости. В платке, обмотанном вокруг головы, плотно к подбородку, прикрывавшем впалые щёки (лицо от этого казалось треугольным), в круглой шляпе, расшитой богатой вышивкой. Её милость сидела прямо, как деревянная, и не отрываясь смотрела на пленника. Глаза у неё были большие, голубые и строгие, окружённые сеточкой сухих морщин. Руки, тонкие и такие же сухие, она бесстрастно сложила на коленях; длинные рукава ниспадали почти до пола.

На другом стуле елозил мальчишка лет десяти на вид: с соломенного цвета шевелюрой, в вычурном кафтане, с настоящим мечом на боку, правда, ещё маленьким. Его ноги, едва достававшие до пола, отбивали нетерпеливую дробь. Юный барон в очередной раз дёрнулся, зелёный с золотом плащ съехал с его плеча, показав вышитый на кафтане герб, и Родрик опять

впал в ступор. Он не знал такого герба. На щите Бедвиров был красный единорог на синем фоне, герцога Когара – два золотых льва с лазурными языками, графа Тэлфрина – медведь с суковатой палкой. Здесь же – семь серебряных стрел, перевязанных пурпурной лентой, и с баронской короной наверху – тонким золотым ободком с пятью жемчужинами. «Ах, да, – лихорадочно соображал Родрик, – это же бароны, а стало быть, ни к герцогам, ни к графам они отношения не имеют». Но всё равно: здесь, в северо-западных землях Корнваллиса, не было никаких баронств. Все они – на востоке или юге, в королевских владениях, и тамошние зорлины являются вассалами короля. «Что это за места, матолух мне в глотку?!»

Баронесса едва заметно повела рукой, и почти неслышный гомон присутствующих затих сам собой. Она еле заметно кивнула, и пленника подвели поближе, однако же не настолько, чтобы представлять опасность.

– Если ты истинно человек, – негромко произнесла баронесса, глядя на Родрика, – ответствуй, как зовут, кто твой господин, и как оказался в наших владениях?

Родрик посмотрел ей в глаза. Голос её был тихим и слегка хрипловатым, но совсем не грозным.

– Моё имя – Родрик из рода Оргинов, лордов Харлеха, и я солдат на службе у его светлости Леофрика, герцога Бедвира и властителя всех западных земель.

– Ты лжёшь. Здесь нет никаких западных земель.

Родрик как бы невзначай шевельнул запястьем. Цепь тут же натянулась: те мужчины зорко за ним следили. Но если даже получилось бы вырваться, от такой толпы всё равно не убежать. Что так, что этак: виселица или виселица. Внутри вспыхнула искорка злости. «Гори всё огнём».

– А как зовут ту, кто обвиняет сына лорда во лжи?

В Нордмонте за такие слова, обращённые к любому зорлину, можно было лишиться языка.

Глаза баронессы сверкнули, но ответить она не успела. Из сумрака внезапно вынырнул какой-то старик, одетый в длинную серую хламиду; на шее висела внушительной толщины золотая цепь с медальоном.

– Как смеешь ты, смерд... – зашипел он.

– То есть, почтенный Бревальд, – перебила его баронесса, – вы всё же видите в нём смертного?

– Либо нежить, либо наглый простолюдин, – вызывающе ответил старик, – конец для него один...

– Я поняла вас, уважаемый. Но для нежити и простолюдинов законы разные. Что думают остальные уитаны?

Мудрые, вспомнил Родрик. Уитенагемот. Он так понял, что это что-то вроде регентского совета при малолетнем наследнике. Краем глаза он уловил шевеление сбоку. Повернул голову, насколько позволял ошейник. Растёртая до крови кожа зверски болела, как и ожог на груди. Присутствующие, кланяясь, расступились, и в середину залы гуськом потянулись ещё несколько человек в таких же светло-серых рясах и с медальонами. Двое из них поддерживали под руки высокого старца с клюкой, который шёл во главе процессии. Тот был слеп или почти слеп: из-под невероятно кустистых бровей на Родрика смотрели белёсые глаза без зрачков.

– Почтенный Хорхе... – сказала баронесса.

Старик остановился. Те двое тотчас его оставили и, кланяясь, задом попятнулись в стороны.

– В наше время, когда вечер мира клонится к полному закату, старое зло, не прекращавшее ни на одну минуту, в силу неиссякаемого вреда своего падения, насылая на мир полную яда заразную чуму, особенно отвратительным образом проявляет себя, так как в своем великом гневе чувствует, что в его распоряжении осталось мало времени...

– Ближе к делу, дядюшка...

Хорхе гневно стукнул клюкой по полу. Руки его дрожали от старости. Тут же рядом возник другой уитан, совсем молодой, Родрикова возраста, не старше, с остренькой аккуратно подстриженной бородкой, и едва заметно поклонился в сторону помоста.

– Многоуважаемый Хорхе хочет сказать, что власти дьявола имеется предел, ибо если бы предела этого не было бы поставлено, ничто не могло бы помешать ему поработить тела и души правоверных. Опыт и знания показывают, что в наших силах постичь смысл и сущность этих пределов и найти способы их использования для защиты от козней нечистого. Как сказано в «Муравейнике» святого Нидера, самый простой из них состоит в учинении внешних препятствий отродьям Виловым, ибо, как известно, взятые под стражу истинно верующими, оборотни теряют искусство своего превращения, однако стоит лишь ослабить бдительность либо усомниться в способности веры самим фактом своего наличия противостоять ухищрениям...

У баронессы сделался такой вид, словно в рот ей попала ложка соли, а вокруг одно приличное общество.

– Ледмар, я прекрасно поняла, что имеет в виду многоуважаемый Хорхе. Можно сколько угодно рассуждать о способах защиты от тех существ, но, как мне помнится, Орден до сих пор не особенно преуспел в этом.

– Но, ваша милость...

Баронесса нахмурилась.

– Достаточно. До тех пор, пока не доказана дьявольская сущность этого... человека, это пустое. Я хочу услышать мнение всего уитенагемота.

– Тот, кто не в граде божьем, не может быть сюда допущен, – прокаркал Хорхе, – ибо всё, что оттуда – суть от тёмного!

Старик воздел руку с клюкой к потолку и хрипло завыл:

– Изыди, злой дух, полный кривды беззакония; изыди, исчадие лжи, изгнанник из среды ангелов; изыди, змея, супостат хитрости и бунта, недостойный милости божией; изыди, сын тьмы и вечного подземного огня; изыди, хищный волк, полный невежества; изыди, черный демон; изыди, дух ереси, исчадие Гленкиддираха, приговорённый к вечному огню; изыди, негодное животное, худшее из всех существующих; изыди, вор и хищник, полный сладострастия и стяжания...

Хорхе закашлялся, согнувшись в три погибели. Баронесса бесстрастно наблюдала за его корчами.

– Ледмар, – сказала она, – будь любезен, проводи преподобного. И дай отвару.

Ледмар подскочил к старику и услужливо подхватил его под локоть. Тот выдернул руку, но послушно поплёлся к дверям, останавливаясь через шаг, потрясая клюкой и одышливо зудя:

– ...изыди, злой дух, приговоренный к вечному мучению; изыди, грязный обольститель и пьяница; изыди, корень всех зол и преступлений; изыди, изверг рода человеческого; изыди, злой насмешник, полный лживости и возмущения; изыди, враг правды и жизни; изыди, источник несчастий и раздоров; изыди, ядовитый скорпион, дракон, полный злых козней; изыди, лакей Вила, привратник царства мучений; изыди, лжец коварный, поганный, зачумленный...

Баронесса проводила Хорхе взглядом, едва заметно покачав головой.

– Почтенный Бревальд?..

– Такого не случилось уж много зим! – тут же откликнулся старик с цепью на шее. – Моё слово – нет! Мы должны оберегать свою паству!

– Почтенный Титла?

Дородный мужчина с красным лицом поклонился. Он единственный из уитанов был не в рясе. Тучное тело едва не внатяжку обтягивал кожаный камзол, зашнурованный по бокам. На роскошном поясе висел кинжал в богато разукрашенных ножнах.

– На моей памяти из Топи ни разу никто не появлялся с добрыми намерениями, – прогудел он. – Но этот... – он небрежно мотнул головой в сторону Родрика, – не похож на тех, кого я видел.

Он подошёл к Родрику, тяжело дыша и трясая пивным животом. Титла был его выше на полголовы, с тёмными глазами, в которых не было ни грана страха. С крючковатым носом и причёской, которая в других обстоятельствах Родрика бы позабавила: было похоже, что на его голову надели маленький горшок, а потом отстригли всё, что торчало снаружи. Черты его лица, однако, были таковы, что смеяться хотелось меньше всего. На шее уитана болталась толстенная, в три пальца, золотая цепь. Титла склонил голову, сверля взглядом.

– Я бы... понаблюдал, – закончил он. – В конце концов, ни одна тварь из мяса и костей не устоит перед добрым топором.

Баронесса кинула.

– Почтенный Сигерд?

Только сейчас Родрик заметил того монаха. Он стоял возле одного из столбов, наполовину в тени. Сигерд вышел на середину залы, а за ним, будто собачонка на привязи – Эирлис. Волосы у неё были растрёпаны.

– Как известно, – негромко произнёс монах, – порождениям Вила неведома истина, ибо сама их суть неистинна. Белое они всегда назовут чёрным.

Стоявший в двух шагах почтенный Бревальд усмехнулся.

– Как можем мы определить, лжёт ли этот... пришелец?

Вместо ответа Сигерд повернулся к Родрику.

– Скажи, незнакомец. И скажи так, чтобы мы тебе поверили.

Родрик, лихорадочно соображая, набрал в грудь воздуха.

– Клянусь именами Эогабала, отца всего сущего, и праматери Боанн, что я тот, за кого себя выдаю, и пусть истинные боги поразят меня лютой смертью, если в моих словах есть хоть доля неправды.

Сигерд кивнул.

– Я наблюдал за этим человеком два дня, – сказал он, – и если никому из круга земного не дано попасть в царство Вила, сохранив свою человеческую сущность, то равным образом тёмный мир не сможет принять истинно верующего, и отторгнет его. Такого действительно не случилось уже давно, но давно – не значит никогда, и эта девочка, – Сигерд вытолкнул вперед Эирлис, – тому доказательство. Мы все знаем историю её матери. Она была ребёнком, когда появилась здесь, и только это спасло её от поспешной расправы. Тогда господь уберёт нас от ошибки, но не стоит искушать его терпение повторно. Быть может, появление этого человека... это знак. – Сигерд медленно обвёл собравшихся взглядом. – Знак того, что большой круг замкнулся. А это значит, что времени у нас немного.

По залу будто пронёсся ветерок. Люди шептались и оглядывались.

– Эирлис, – приказал он, – говори.

Девушка огляделась как затравленный зверёк. И вдруг подскочила к тому мужчине, который держал цепь, прикреплённую к ошейнику Родрика.

– Отдай, – глухо сказала она. Тот от неожиданности выпустил цепь. – Я, Эирлис, дочь Тедгара и Уны, по древнему обычаю пробной ночи первой заявляю права на этого мужчину, и пусть гнев праматери Боанн падёт на того, кто посмеет отобрать его у меня.

– Суккубы и инкубы! – выкрикнул Бревальд. Он воздел руки, вытаращенными глазами оглядывая собравшихся. – Древние боги суть демоны, а эти двое – их посланники. Пришелец и дочь пришелицы! Ваша милость, опомнитесь!

Баронесса сидела, задумчиво насупив брови. В зале воцарилось молчание. Наконец, она встала, аккуратно расправила платье.

– Перед всем добрым народом Кадвана ответь, незнакомец: согласен ли ты?

– Я... – Родрик, вспомнив наставление Эирлис, решительно кивнул. – Да, я согласен.

– Да будет так. Снимите с него кандалы. Девушка, ты можешь его забрать. Но... с одним условием. Незнакомец, кто бы ты ни был, до следующей зимы я жду тебя в Ладлоу.

Баронесса развернулась и, подобрав юбки и ни на кого не глядя, направилась к дверям. Эирлис зыркнула на Родрика.

– Пошли, – сказала она.

Глава 5. Очищение

Эирлис шла, гордо задрав подбородок, а Родрик – за ней, чувствуя себя только что проданной и купленной скотиной.

– Может, избавишь меня от этой штуковины? – буркнул он. Кандалы с него сняли, но ошейник продолжал натирать шею.

Она глянула через плечо.

– Нет. На ней знаки святые, и преподобный сказал, что не раньше завтрашнего вечера. Я тебе верю, но он говорит – лучше побережись. Там, откуда ты пришёл, скверны много.

– А что будет завтрашним вечером? – Родрик старался не смотреть по сторонам. Люди стояли настороженно, переговаривались, зыркали глазами, но, слава богам, вроде никто не думал тыкать в него своими рогатинами.

– Сам увидишь. Но ты не бойся. – Она беззаботно тряхнула головой. – Я тебя защищу.

Родрик закатил очи и мысленно витиевато выругался. Они свернули в проулок, тёмный и узкий, с глухими стенами домов и чавкающей под ногами грязью. Улица была мёртвой, без окон, без дверей, заваленной всяческим мусором. Небо светлой полоской извивалось между черепичными крышами. Родрик крикнул, когда какая-то вывеска – откуда она здесь взялась? – больно треснула его по лбу.

– Куда мы идём?

– Домой.

– Домой? – Родрик задумался. – Кстати, а что это значит – обычай пробной ночи?

– У нас мало мужчин. Но любая девушка, которая видит свободного мужчину, на которого ещё никто не заявил прав, может узнать, достоин ли он стать отцом её детей. Только женщинам дано это видеть. Но, конечно, если он сам согласен. И только в Аонгусову ночь.

– Я не готов становиться мужем, – промычал Родрик.

– Не трусь, – смешливо фыркнула Эирлис. – Такой взрослый дяденька, а девушек боится. То, что сторхи сказали, что ты мне предназначен, вовсе не означает, что для этого дела. Зачем – дадут знак, когда время придёт. А о пробной ночи я просто так сказала, чтобы тебя выволить. Так что не надейся – спать будешь отдельно.

– И на этом спасибо.

Родрик пожал плечами. О жене-то, действительно, думать рановато: он же солдат, а в таких делах баба – только обуза, но девчонка правда хороша. Быстроглазая, быстроногая. И... дело не только в том, что обуза. Ещё сидючи в подземелье под Круглым домом, он пытался отогнать от себя одно наваждение. Но оно навязчиво заползло в его голову, стоило только прикрыть глаза.

Давным-давно, в Лонхенбурге, когда сам Родрик был ещё от горшка два вершка, соседская дочка, чуть его постарше, с шевелюрой из ярко-рыжих пружинок, угостила его яблоком, а на следующий день – ещё одним. Родрик смутно помнил, как она смеялась, весело закидывая голову назад, как он в поисках приключений таскался за ней собачонкой, как они вместе нагишом плескались в реке и брызгались водой. А вскоре приключения сами нашли её: однажды поутру к соседскому дому пришли стражники и забрали её отца. Потом он видел, как её мать просила подавания на улице, а потом была зима и чума, и та девочка умерла. Родрик плакал горько, размазывая слёзы по грязным щекам, и смотрел, как люди в чёрном погрузили завернутое в тряпки худенькое тельце на телегу и увезли, оставив её мать лежащей на пороге.

У Эирлис волосы, правда, немного другие: такие же густые, но цвета тёмной меди, длинные и волнистые. Или не другие, а совсем такие же? Лицо той девочки, скрытое пеленой времени, на мгновение вынырнуло из тумана, показав такие же, как у Эирлис, большие глаза и

остренький подбородок. Родрик тряхнул головой, развеивая морок. Будто нырнул куда-то на двадцать лет назад, и она снова пришла, веселая, смеющаяся, и с яблоком в руках.

Проулок внезапно кончился; последние дома почти упирались в высокий частокол из необструганных брёвен.

– Алун, открывай! – крикнула Эирлис.

В частоколе обнаружилась дверца; возле неё на чурбаке сидел бородатый мужчина в выдавшем виды кожаном колете, и дремал, опершись на копьё.

– Ишь ты, рыжая! – встрепенулся он. – Неужто получилось?

– А то! – озорно откликнулась девушка. – Я ж говорила: от своего не отступлюсь.

– И то дело, – кивнул бородач. – Я тоже сразу сказал: не похож он на лесных. Как зовут тебя, парень?

– Родрик.

– Давай, Родрик, как время будет, заходи, поболтаем. Эль у меня отличный, сам варю. Мой дом на Смоляной улице, с глазами, там один такой, не ошибёшься.

Алун не спеша поднялся и принялся отпирать калитку. Дверца оказалась в ладонь толщиной, на нескольких засовах. Эирлис от нетерпения пританцовывала на месте.

– Может, останетесь? – вполголоса спросил Алун. – Завтра – полная луна. Здесь всё надёжнее, чем на холме.

– Я не боюсь, – весело заявила Эирлис.

– Как хочешь. Но ежели передумаешь – моя Айри всегда рада тебя видеть, ты знаешь.

Не ответив, Эирлис выпорхнула за дверцу. Родрик, кивнув Алуну на прощанье, поплёлся за ней.

Кадван, как выяснилось, стоял на пригорке. От калитки тропинка, петляя, сбегала вниз, шла берегом полноводного ручья и, снова взбираясь на холм, терялась в лесу. Родрик крутил головой, морщась от ощущения ошейника. Те каменные столбы окружали долину со всех сторон, нависая над деревней подобно молчаливым стражам; верхушки некоторых скал до странности походили на гигантские бесстрастные лица.

– Что за этими горами? – спросил Родрик слегка запыхавшимся голосом. Весеннее солнце припекало сильно, и его спина взмокла. Эирлис же скакала меж валунов как козочка.

– Не знаю. Никогда там не бывала. Преподобный Сигерд был, он знает. Говорят, где-то там, – она неопределенно махнула рукой, – болотники живут, на краю мира.

– Болотники?..

– Ну, да. Вроде когда-то были как все, а потом словно с ума посходили: живут посреди болота, дома на сваях, молятся своему богу и на гостей волками смотрят. Преподобный сказывал, они верят, что этот бог живой и только спит, но однажды пробудится и их оттуда выведет. В ту пещеру, где он спит, никого не пускают, и жрецы там молитвы возносят день и ночь.

– А что значит – «на краю мира»?

– Так Сигерд говорит. Сказала же: я там не была, да и никто из наших не был. А ещё там на горе есть замок, но ходить туда нельзя.

– Почему нельзя?

– Просто – нельзя. Говорят, кто ходил – не возвращался. Там не живёт никто, а по ночам окна светятся.

– Это не тот ли, что с площади виден? Я думал, это баронский.

– Нет. Баронский в Ладлоу стоит, отсюда не видно. А вообще преподобный много чего знает, слушать его – не наслушаешься. Завтра вечером к нему пойдём, он должен провести обряд очищения, вот и спросишь.

– Обряд чего?..

Эирлис кивнула с серьёзным видом.

– Так надо. Это для всех, кто из топи приходит.

– А что, много таких? Я так понял, только твоя мать, да я.

– Я не то имела в виду. – Эирлис неопределённо махнула рукой в сторону лесной чащи. – Здесь – Град божий, а там – царство дьявола. Ты будто маленький, не знаешь ничего. Каждый, кто в его пределы вступает, потом должен очиститься. Охотники и те, кто в лес по разным надобностям отправляются: мыловары или обдиральщики коры, например. Ибо кто знает, какая зараза там прилипнуть может, даже если лето на дворе.

«Лето?! Твою ж мать, при чём тут лето?» – подумал Родрик, но вслух сказал только:

– А ты разве не в лесу живёшь?

– Да какой там лес! В двух шагах от кромки. Зато вот за Белым ручьём уже совсем другие дела...

Тропинка между тем вскарабкалась на гору, готовясь нырнуть под сень деревьев. Родрик обернулся, быстро и внимательно осматривая окрестности. Он не ошибся: Кадван действительно находился в глубокой долине, вытянутой примерно с юго-запада на северо-восток, если судить по движению солнца. В гряде каменных столбов, однако, обнаружилось несколько проходов, невидимых из селения, и один из них явно вёл к тому самому заброшенному замку. В огоньки, сами собой вспыхивающие в мёртвом жилище, Родрик не поверил: скорее всего, там кто-то обретался, а стало быть, оставалась надежда хоть у кого-то разузнать об этих краях, если уж местные жители ничего сказать не могли.

– А в какой стороне Ладлоу? – крикнул Родрик. Эирлис ушла вперёд уже на добрые полсотни шагов. Она остановилась и указала на западную оконечность долины.

– Там. Но, говорят, по топи нужно идти. Не отставай, уже недалеко.

* * *

– Есть хочешь? – спросила Эирлис, поднимая засов.

Родрик сглотнул.

– Буду премного благодарен. Живот уже к спине прилип.

– Сейчас. – Эирлис кивнула. – Только за водой схожу.

Пригнувшись – дверь была низкая, – она нырнула внутрь и через пару мгновений показалась с кожаным ведром в руках. В хижине царил полумрак, но Родрик разглядел пустой топчан.

– А где Гаран? Мой знакомец?

– Я его в подпол отвела. Ничего, жить будет. Постанывал, конечно, но держится молодцом. Там, возле стола, под циновкой.

Эирлис развернулась и вприпрыжку помчалась в лес.

Родрик отодвинул циновку, под которой обнаружился люк. Поднял крышку, оказавшуюся неожиданно тяжёлой, и глянул вниз. Там, отбрасывая кривые тени, горела лучина. Он спустился по лесенке и огляделся в удивлении. Это был скорее не подвал, а вполне пригодная для жилья комната, разве что с довольно низким потолком. Такой же, как наверху, стол, приколоченный к обшитой необструганными досками стене, пара поленьев для сидения, длинные полки с кувшинами и горшками, и несколько ларей. В дальнем углу прямо на полу лежал тюфяк, на котором, негромко похрапывая, спал Гаран.

Родрик несильно пнул его по ноге.

– Жив-здоров али как?

Гаран открыл глаза.

– Не дождёшься, – пробурчал он. Опершись на локти, Гаран привалился к стене. – Девчонка молодец. Не знаю, чем она мне намазала, но уж даже почти не болит. Где был? Она ничего мне не говорила. Сказала только, что ты в деревне, скоро вернёшься, а так всё: «молчи», да «тихо». Что за места? Нас здесь не ищут? Что это за хрень у тебя на шее?

Родрик придвинул полено поближе, уселся.

– Знаешь такое селение – Ладлоу? Или Бейлах? Кадван?

Гаран наморщил лоб.

– Про Кадван, вроде, слышал, – подумав, сказал он. – Если не путаю, отец мне о нём рассказывал, а ему его отец. Старая история. Большая была деревня, богатая. Где – не скажу, не знаю. Где-то. Когда Круахову Топь поглотила тень, герцог Алейн – это то ли дед, то ли прадед Леофрика, хрен их разберёшь, отправил туда людей, разведать, что и как. Вернулись не все. Говорили, что город мёртвый стоит, только дома пустые, да ветер свищет, ни одной живой души. А те, которые не вернулись, в Кадване просто пропали. Фьють – и нету. Еще рассказывали о красном тумане, о каких-то чёрных призраках, сейчас уж и не вспомню. Алейн, говорят, не поверил, и ещё людей отправил. Но те вовсе города не нашли, ни с чем вернулись. А с чего это ты местными сказками заинтересовался?

– Да так, – сказал Родрик. – Тень, значит, поглотила. Ну, ну. Та деревня, в которой я был, называется Кадван. Большая, с каменными домами, целый город.

Гаран вытаращил глаза.

– И что... люди?

– И люди. Много, все живей тебя, только, по-моему, они слегка не в себе. И город как мертвяк какой-то, весь в тенетах, и народ такой же. Словно их в сундуке последние полста лет держали и на днях выпустили.

– Ну, не скажи... девка, вроде, ничего так. Свежачок.

– Разве что только она.

Родрик принялся обстоятельно рассказывать о событиях последних двух дней, стараясь не упустить важного: начиная с момента, когда он получил камнем по лбу, и заканчивая непонятными речами совета мудрых. Гаран слушал не перебивая, только иногда морщился: руку он держал на боку, так что, по всей видимости, рана его ещё была далека от полного заживления. Дослушав до конца, Гаран задумчиво пожевал губами.

– Бред какой-то, – авторитетно изрёк он. – Выбираться отсюда надо...

– Экая умная мысль! – рассердился Родрик.

– ...только, – озабоченно продолжил Гаран, – похоже, мне на тебя рассчитывать не придётся.

– Почему?

– Ну, так... захомутали ж тебя. Пробная ночь и все дела.

Родрик открыл было рот, чтобы сказать какую-нибудь колкость, но сверху послышался голос Эирлис:

– Родрик, поднимайся, обед готов.

Гаран хохотнул, снова скривившись от боли. Злобно на него глянув, Родрик встал и полез наверх.

Вскоре он сидел за столом, торопливо поглощая вкуснейшее варево из бобов с кусочками сала, лука и чеснока; изумлению его не было предела, когда Эирлис поставила перед ним небольшую глиняную бутылку с горькой и такой забористой настойкой, что у Родрика выступила скупая слеза.

– Замечательно, – выдохнул он, прокашлявшись.

Эирлис улыбнулась. Она сидела по другую сторону стола, подперев щеки руками.

– У Алуна взяла. Он так дал, когда узнал, что для тебя. У него тут прозвище – «Максен». Это на древнем языке значит...

– Знаю. «Щедрый». – Взгляд Родрика упал на большую бадью, стоявшую у стены. Капуста, вспомнил он.

– Помнится, ты говорила Сигерду, что приняла меня за какого-то... песиголовца?

– А в ваших краях разве нет таких?

Родрик молча покачал головой. Желудок уже был полон, но он никак не мог остановиться. Настойку он выпил почти всю, с блаженством ощущая огненные ручейки, бегущие внутри тела.

– Они как люди, – сказала Эирлис, помолчав. – Очень высокие и головы волчьи, и руки в шерсти. Говорить не умеют, рычат, и на человека не нападут, разве только уж совсем голодны. И очень квашеную капусту любят.

– Волки – капусту? – изумился Родрик.

– Я ж сказала – они как люди. За грехи свои страдают.

– И ты сама таких видела?

– Видела. Зим двенадцать или тринадцать назад, много, не могу сосчитать, одна женщина, Бриенна, – её дом тоже за деревней стоит, – на огороде возилась, и увидела песиголовкиню. Та прямо из леса шла. Бриенна в дом забежала и под одеялом схоронилась. А песиголовкиня зашла, приняухалась – и к бочке с капустой. Они, когда капусту видят, словно с ума сходят. Залезла внутрь чуть не до пояса, и давай чавкать. Бриенна тогда топор взяла – и ей по спине. Весь Кадван тогда приходил, смотрел, дивился. И я видела.

– И ты это помнишь? Маленькая, поди, была.

– Кому маленькая, а кому – нет, – хмыкнула Эирлис. – Помнится, я тогда Пиббе во второй раз от ворот поворот дала. Хотел меня четвёртой женой сделать.

– Погоди. – Язык понемногу начал заплетаться. – Как такое может быть? Двенадцать зим назад? Сколько ж тебе лет?

Эирлис пожала плечами.

– Лет? Не знаю. – Она удручённо выставила перед собой ладони с растопыренными пальцами. – Это – десять, я знаю, и ещё немного больше знаю. Но мне много, много раз по десять.

– Что за чушь! – У Родрика шумело в голове. – Ничего не понимаю.

Девушка встрепенулась.

– Потому что тебе отдохнуть надо. – Она вскочила из-за стола. – Ложись, я тебе на топчане постелила. Как проснёшься, к преподобному пойдём, он велел к ночи прийти.

Родрик кивнул и повалился на тюфяк, показавшийся ему восхитительно мягким.

* * *

Темнело здесь очень быстро.

Они шли долго, дольше, чем от Кадвана до хижины. Сначала той же дорогой спустились с пригорка, но не доходя до селения Эирлис свернула в сторону: вдоль крепостной стены бежала узенькая тропка. Слева – брёвна, справа – рукотворный овражек, захламлённый ветками, прошлогодней листвой и всяческим мусором.

Родрик плёлся сзади, то и дело норовя свалиться в ров: голова зверски болела, а глотка отчаянно требовала холодного пива. Тот напиток – Эирлис назвала его «туйон», – был горьким, как полынь, и очень крепким, но пился необычайно легко, чему Родрик сейчас был уже не рад. Ноги заплетались, а язык категорически отказывался внятно произнести хотя бы один из тысячи вопросов, которые ещё недавно требовали немедленного ответа.

– Сколько я спал? – только и сумел выдать он.

– Вечер, да ночь, да ещё полдня.

– Как это?!

– Не сердись. Сигерд велел тебе сон-травы в еду добавить, чтоб отдохнул. Да и выпил ты немало.

Крепостная стена внезапно закончилась, и они вышли на обширную поляну.

– Что это?

Шагах в пятидесяти от селения спиной к лесу стоял сруб, вросший в землю покатою крышей, с целой поленницей дров рядом. Из дыры наверху вился тёмный дымок; корчась, он рисовал причудливые узоры на лице огромной луны.

– Это – дом очищения.

– Баня, что ль?.. – Такие были едва ли не в каждой деревне, в том числе в Бреотигерне, топившиеся по-чёрному, с чугунными котлами, вмазанными в каменную кладку.

Эирлис строго на него глянула. Было забавно наблюдать на её полудетской мордашке такое выражение, будто она воспитывала младшего брата.

– А в твоих краях разве не так? Пойдём.

Родрик пожал плечами. Вил поймёт этих блаженных. Ну и ладно: если для того, чтобы очиститься от-того-не-знаю-чего, надо помыться, то он только этому рад. Его дважды вымокшая в болоте одежда смердела как дохлая лягушка, и Родрик подозревал, что от него самого запах шёл не слаще.

Из открытой двери на него пахнуло дымом и паром. Глаза на мгновение ослепли от густого воздуха и темноты. Родрик остановился, и вовремя: прямо за порогом лежало толстое осиновое бревно. Родрик непонятливо хмыкнул.

– Ты должен переступить через него, – послышался голос. Кажется, преподобного Сигерда.

Где-то за углом, потрескивая, дышали красным углем; кроме них, других источников света не было.

– Да запросто, – буркнул Родрик.

Он наклонился (чёрная от копоти притолока была низкой), едва ли не по-собачьи перелез через осину – и в то же мгновение его схватили за руки.

– Да что за?.. – изумился он, трепыхнувшись. Но его держали крепко. Двое здоровенных с виду мужиков, голых по пояс. Духота да мокрота здесь стояли страшные. За почтенным Сигердом, выступившим из тени, виднелся котёл с булькающей водой, и широкая лавка с поперечными перекладинами.

Монах глянул через плечо Родрика.

– Ну, как?

– Он выпил всё, – послышался сзади голос Эирлис.

Старик удовлетворённо кивнул.

– Хорошо. И святое дерево ему не повредило.

– Что здесь происходит? – рявкнул Родрик.

Сигерд успокаивающе поднял ладонь.

– Не волнуйся, сын мой. Мы уже уверились в твоей человеческой сущности. Однако ж каждый, кто побывал в тёмном лесу, должен очиститься от скверны, прилепившейся к нему в мире дьяволовом, ибо она поначалу может быть незаметной, как крошечное пятнышко лишая, невзначай попавшее на кожу. Положите его.

Те два мужика подтащили Родрика к лавке, быстро и ловко притянули к перекладинам кожаными ремешками сначала его запястья, затем – лодыжки.

– Эирлис,ними с него сапоги.

– Эй, эй! – неуверенно выкрикнул Родрик.

– Тебе не причинят вреда. – Старик кивнул, и один из мужчин сорвал с Родрика одежду, не особо церемонясь: рубаха и штаны с треском лопнули по швам – и тотчас отправились в огонь, выплунувший сноп искр. Второй подбросил в очаг несколько поленьев, и пламя радостно заурчало. Клубы густого дыма повалили в отверстие в крыше, заволокли саму парную. Тело Родрика покрылось капельками пота.

– Да возродится сила Эогабала, и расточатся враги его, – начал Сигерд, – и да бегут от лица его ненавидящие его! Как рассеивается дым, ты рассеяй их; как тает воск от огня, так демоны да погибнут от сил пламени и воды...

Родрик охнул от неожиданности и боли: один из тех мужиков сильно хлестнул его веником, даже не веником, а связкой прутьев, оставивших на коже мгновенно красневшие полосы.

– ... Изгоняем тебя, дух всякой нечистоты, всякая сила Вилова, всякий посягатель адский враждебный, всякий легион, всякое собрание и секта диавольская, именами и добродетелями Эогабала и праматери Боанн, искоренись и беги от их имён, от душ, по образу Божию сотворенных, и в Граде Божиим пребывающих. Не смеешь боле, змий хитрейший, обманывать род человеческий, преследовать и избранных богами отторгать и развеивать, как пшеницу на ветру!

Родрик дёргался и извивался, а те двое, пыхтя, без устали хлестали его розгами. Сигерд что-то плеснул в огонь, и длинные языки пламени взметнулись вверх. Отчётливо запахло полынной горечью.

«О, боги...» Сознание мутилось от боли и оглушающей жары, от проклятого туйона, от бесконечного бормотания монаха: его голос шуршал песком, накатывал волнами, громыхал, сливаясь с бульканьем воды и гулом огня в неразборчивую какофонию. Огромная тень Сигерда плясала на бревенчатой стене, переползала на низко висящие балки. Перед глазами корчились чёрные фигуры, жуткие морды скалились в лицо. И потолок, и стены были расписаны оживающими в клубах дыма изображениями тварей: стриг с лязгающими челюстями, ламий, масок, фомор и странных летающих страшилищ, походивших на огромные шали с рваной бахромой.

– ... Я изгоняю тебя, нечистый дух, истинное воплощение нашего врага, призрака, весь легион, во имя истинных богов, выйди вон и беги из этого божьего существа!

Те два мужика вдруг замерли, с ожиданием глядя на преподобного. Тот, не переставая бормотать под нос, достал из складок своего необъятного одеяния крохотную склянку, откупорил её и, намочив палец, нарисовал на лбу Родрика какой-то знак, судя по ощущениям – круг с треугольником внутри. Запах был как от оливкового масла с травами.

– Он чист! – возвестил Сигерд.

Путы развязали и – Родрик не поверил такому счастью, – щёлкнув замком, сняли ошейник. Родрик уселся на лавке, потирая затёкшие запястья. Слабость накатывала волнами, но он чувствовал себя на удивление хорошо. Ни в Бриотигерне, ни где ещё в банях не использовали такие розги, просто обливались из ковшей, сидели в клубах пара – и всё.

Те двое мучителей и Эирлис между тем куда-то исчезли. Родрик исподлобья глянул на монаха.

– Что это было? – буркнул он.

– Где нечисть – там холод, – сказал Сигерд, – ибо твари Виловы несут с собой ветер леденящий и сковывают воду стынью. Огня же святого боятся, и потому по воле Отца всего сущего обречены были на вечное заточение и муки смертные в полыхающих подземельях Гленкиддираха. Но тёмной волей были сорваны цепи и разбиты крепкие оковы на железных дверях, чудища смердящие вырвались на волю, чтобы пожрать род людской, и круг замкнулся. Мир рухнул, оказавшись во власти тьмы, и лишь истинно правоверных Отец небесный уберёт от гибели, и лишь нам доверил хранить светоч истинной веры.

– То есть мир рухнул, правоверные только тут, а кругом одни твари? В лесу?

– Именно.

– Мир не рухнул, святой отец. Люди как жили, так и живут.

– Там, откуда ты пришёл?

– Да. Едят, пьют, любят баб, воспитывают детей. Как всегда. Там, по ту сторону болота. Старик удручённо покачал головой.

– Боюсь, ты ошибаешься, сын мой. Это было давно, так давно, что только деды наших дедов, будь они живы, могли бы что-то рассказать. Ныне остались только мы. Однако же, –

Сигерд посмотрел Родрику в глаза, – ты должен поведать мне о своих видениях. Я думаю, это духи предков живут в тебе, и только их сила помогла тебе выжить в подлунном мире.

Родрик пожал плечами.

– Договорились. Но – дашь на дашь.

– Что ты имеешь в виду? – изумился старик.

– Я расскажу вам, а вы – мне. Про круги, подлунный мир и прочее.

Сигерд задумался.

– Вижу, ты слишком долго блуждал во тьме. Душа твоя чиста. Я расскажу тебе. Но не сейчас – завтра, если боги позволят нам пережить эту ночь.

– Что опять такое? – Родрик едва не рассердился. – Что будет этой ночью?

– Не волнуйся. В Граде божьем ты в безопасности.

«Проклятье. Снова загадки». Кивнув, Родрик поднялся со скамьи.

– Ладно. Поглядим-увидим. Кстати: если вы заметили, мои штаны сожгли...

– Не торопись, сын мой. Ты должен ещё некоторое время оставаться здесь.

– И долго?

– Пока священный огонь не сожжёт остатки скверны. Как только угли потухнут, тебе принесут одежду. И уже сегодня вечером мы вместе вознесём молитву, чтобы они не забрали никого из нас. Ночь отделит агнцев от козлищ.

– Жду, не дождусь, – проворчал Родрик под нос.

Глава 6. Ветер

После ухода преподобного Родрик посидел ещё немного, раздумывая обо всём сразу, и, не надумав ни одного ответа на свои вопросы, улёгся на той же лавке, где его хлестали вениками. Было жарко, угли в очаге мерцали красным, догорая, а тело после проведённой экзекуции приятно ломило. Облезлые чудища на стенах и потолке тоже немного успокоились, и теперь беззлобно пялились на незваного гостя.

Проснулся он от скрипа двери. Чумазый мальчишка положил рядом с ним стопку одежды.

– Велено передать, чтоб к Божьему дому шли, – шмыгнув носом, сообщил он. – И просили поторопиться, а то уж скоро темнеть начнёт.

Родрик нарочито неспешно натянул штаны. И штаны, и рубаха были хотя и не новые, но чистые и почти не ношенные. Мальчишка беспокойно топтался у двери.

– Эй! – окликнул его Родрик. – Что это за Божий дом? Где?

– От восточных ворот всё время прямо. Сами найдёте?

Родрик кивнул.

– Ну, тогда я пойду, – выпалил мальчишка и, не дожидаясь ответа, выскользнул наружу.

Родрик затянул шнуровку на рубахе – та оказалась великоватой, с трудом натянул на распаренные ноги сапоги, вышел следом – и неприятно поёжился. После такого жаркого дня, вопреки ожиданию, на улице было холодно – настолько, что руки немедля покрылись мурашками. Тропинка от бани – «ах, да, – усмехнулся Родрик, – дёма очищения», – вела к воротам, которые он по приходу сюда и не заметил. Бревенчатый частокол здесь был двойным, высотой в три человеческих роста, с деревянными вышками по обе стороны от входа. Наверху теньями маячили стражники с копьями.

«Воюют с кем, что ль?» – задумался Родрик, и это его подозрение укрепилось, когда он оказался внутри стен Кадвана. Со всех сторон к центру селения шли люди: мамыши с хныкающими младенцами на руках и малолетками, цепляющимися за подола, хмурые мужчины – все с оружием, непривычно тихая молодёжь – и все сосредоточенно, почти не толкаясь, спешили в одном направлении. Спешили, впрочем, не все: Родрик заметил, что многие оставались в домах, наглухо запирали двери и ставни, тушили свечи и лучины; кругом лязгали засовы и скрипело дерево.

Пару раз Родрика пихнули плечом – беззлобно, просто обгоняя, и он остановился, вжавшись спиной в каменную стену. В толпе он заметил стражников – вроде тех самых, что недавно стояли на башнях, а может, и других: в кожаных колетах и железных шишаках, с короткими копьями и мечами на боках. «Непонятно, совсем непонятно». Если на город кто-то готовится напасть, то с бабами-то ясно, но отчего стражники, как и все мужики, идут не к стенам, а наоборот?

По небу стремительно бежали тёмные облака, и луна сверкала мёртвыми глазами. Между коньков высоких крыш посвистывал ветерок, время от времени срываясь вниз и цепляясь холодными руками за плащи. Очень холодными. Родрику вдруг подумалось, что он стоит дрожа и едва не лязгая зубами. Словно на дворе конец Мокреня-месяца, и вот-вот с неба посыплются первые снежинки. Что за напасть: днём – жара, ночью – зима?

«Твари Виловы несут с собой ветер леденящий», – вдруг вспомнились Родрику слова преподобного Сигерда. Он замер, раздумывая, и решительно повернул к ближайшей сторожевой башне. На мгновение ему показалось – наверное, показалось, помяни нечистого, а он уж здесь, – что в той же стороне мелькнуло серое одеяние монаха.

Подбежав к башне, Родрик взялся за приставную лестницу, и в этот момент ему на голову чуть не сел спускающийся солдат.

– Кто здесь? – выдохнул он, и, разглядев Родрика, буркнул: – С дороги!

Родрик схватил его за плечо.

– Эй, что происходит? Куда все?

– Пусти! – откликнулся тот напололам испуганно и ворчливо. – Смерти ищешь?

Стражник попытался вырваться, но у него не получилось. Это был мешковатого вида мужичок с бегающими глазами.

– Чего хочешь, дурень? – взвизгнул он.

Родрик взглядом указал на его пояс:

– Раз такому храбрецу меч без надобности, может, мне отдашь? И вали на все четыре стороны...

Тот трепыхнулся ещё раз, но Родрик держал крепко.

– Бери, бери, – торопливо согласился мужичок. Отстегнув ремень, он бросил его на землю, рывком выдернул плащ и побежал вслед за всеми. Народа на улице уже почти не осталось.

Мельком проводив его глазами, Родрик решительно принялся карабкаться наверх.

«Надо было и плащ отобрать», – недовольно подумал он, забравшись на вышку. За последние полчаса стало ощутимо холоднее.

За стенами Кадвана не было ничего хоть сколько внушающего опасения. То же холмогорье, по которому ещё только утром Родрик с Эйрлис пробирались к её хижине; та же тропинка, петляя меж валунов, терялась в темноте. Не очень далеко – по прямой не более полумили, – чёрной стеной стоял лес. Огромная луна, наполовину скрытая тучами. И – ветер. То сильный, то слабый, то порывами, но одинаково пронизывающий.

Родрик оглянулся. Селение казалось почти брошенным, только в нескольких кварталах между крыш угадывалось свечение. Один огонёк, другой. Наверное, опаздывающие спешили к тому самому божьему дому. Как Родрик догадывался, это что-то вроде храма, в котором, по всей видимости, сегодня ночью намечалось какое-то торжественное действо. Родрик в очередной раз зябко поёжился. Над головой нависала соломенная крыша, которая, похоже, художественно справлялась с дождём, но площадку окружали лишь хлипкие перила, совершенно неспособные защитить от холода.

Оглядевшись ещё разок, он решил было, что ловить здесь нечего, но тут нечто привлекло его внимание. Что именно – он и сам не понял. Нечто... в лесу. Далёкий звук, похожий одновременно на рычание и хриплый вздох.

Родрик замер, прислушиваясь.

Нет... просто шум деревьев да похрустывание веток. Родрик всматривался до рези в глазах, пока, наконец, ему не начало мерещиться, что чернота леса необъяснимым образом меняет цвет до тёмно-синего и тёмно-красного. В сердцах ругнувшись, Родрик решил списать видение на состояние похмелья, протёр глаза и уже поставил ногу на ступеньку, как вдруг из частогола деревьев выползло оно.

Родрик закрыл глаза и помотал головой. Видение не исчезло. Оно было с дом размером, бесформенное, похожее на сгустившийся воздух, с мерцавшими там и сям красноватыми прожилками. Оно текло как туман, не между деревьями, а сквозь них, то сжимаясь, то вытягиваясь в змею, хотя нет, не текло, а всё же ползло гигантской многоножкой, неслышно перебирало мягкими лапами, чавкало и принюхивалось. Добрело до ручья и остановилось, урча почти недовольно. Из утробы вылез отросток, вытянулся, дотронувшись до воды, резко спрятался обратно. Чудище не видело, но чувствовало. Дёрнувшись туда-сюда, оно неспешно двинулось берегом.

Родрик судорожно сглотнул и задышал тяжело-тяжело. Кажется, всё это время он вовсе забыл о том, что надо дышать. Медуза, догадался он. Конечно, это медуза. Далеко на севере, в землях физов, что на берегу холодного моря, рассказывали о таких. Они хлипкие, полупро-

зрачные и ядовитые. И они живут в воде – но никто никогда не говорил, что медузы могут быть такими большими, и чтобы они ползали по земле.

Сердце колотилось быстро-быстро, и в животе сделалось плохо. Родрик уже и не помнил таких ощущений. Даже во время сражения, когда с гиканьем бросаешься на врага, и кровь бурлит в жилах – такого не бывало. Разве что давным-давно, когда они с отцом только ещё приехали в Харлех, милях в пяти от которого шумел-кряхтел древний лес, Гриммельнская чаща. Однажды он и мальчишки из деревни сбежали из дома и, дружно боясь, решили побродить среди вековых деревьев. Их тогда поймали, нагнали: отец Родрика, Харольд Оргин, тряс сына за плечи и говорил: никогда, слышишь, ты, никогда не смей ходить туда. Родрик тогда не понял, почему, но, глядячи в побелевшее от напряжения лицо отца, испытывал чувство страха.

– Ты боишься?

Родрик дёрнулся, как ошпаренный, стремительно развернулся, рывком выхватил тускло блеснувший меч. Рядом, словно не замечая направленного на него клинка, стоял преподобный Сигерд.

– Ответь, – бесцветно повторил он, – ты чувствуешь беспокойство?

Родрик шумно выдохнул.

– Ну... я бы выпил что-нибудь.

Старик удовлетворённо кивнул. Даже, кажется, улыбнулся в седую бороду. Его длинные волосы развевались на ветру.

– Я рад, что дал Эирлис уговорить себя. За тысячу зим здешний люд отвык от храбрости. Это мортох. Его оружие – страх. Даже птицы не взлетают с ветвей, когда чувят его приближение. Они коченеют, сидят и ждут, когда их съедят. Но теперь мы должны идти. Времени мало.

– Для чего мало?

– Менее чем через час наступит полная луна. И если стены Кадвана в состоянии защитить нас от мортоха, то они, увы, бессильны перед прочими порождениями тёмного бога.

Родрик стоял, не в силах оторвать взгляда от медленно ползущего слизняка. Чудище становилось то полупрозрачным, то непроницаемо чёрным, то внезапно, словно нагретая изнутри, его оболочка лопалась, покрывалась сетью алых трещин, делая его похожим на волну лавы, текущую из жерла вулкана. Страх остался, но вместе с ним внутри Родрика появилось какое-то озорное чувство, желание попробовать, что да как. Такое было, когда в горах Нордмонта он первый раз увидел огромного волосатого зверя с рогами, растущими прямо изо рта.

– Прочими? – переспросил он. – Что здесь у вас творится?

Сигерд вздохнул.

– Иногда дни бывают длинными, иногда нет. Бывает, наступает зима, а иногда лето длится долго, очень долго. Но каждый раз, когда они появляются, это происходит во время полнолуния. Я пытался найти закономерность, но, увы, человеческий разум слишком слаб, чтобы понять поступки богов. Время – это одна из божьих ипостасей, и нам не дано им управлять... Смотри! – Старик вытянул руку, указывая на лес.

Чаща зашумела, зашевелилась, деревья шатались в разные стороны, а между ними, как светляки, начали вспыхивать огоньки. Родрик не сразу уразумел, что это, а потом его взяла лёгкая оторопь. Огоньков было по двое, зелёных, красных, мертвенно- и ярко-синих. Они двигались, гасли и вспыхивали вновь, отражая лунный свет. Круглые как блюдца глаза.

Из леса выскочила дюжина странных существ, смутно различимых на фоне черноты. Вернее, Родрик был почти убеждён, что именно «из леса», настолько несуразным ему показалось их появление. Земля меж деревьев кряхтела, вспучивалась, шевелилась, и из-под корней, как из могил, раскидывая комья, высовывались худые руки, а затем показывались и тела. Впрочем, тьма опускалась настолько быстро, что Родрик списал увиденное на обман зрения. «Будь тут Гаран, он непременно принялся бы уверять, что они из-под земли вылазят», – про себя и слегка неуверенно усмехнулся он.

Если бы не вытянутые звериные морды, их можно было бы принять за тощих человекообразных существ с белёсой безволосой кожей, горбатыми телами и необычайно длинными когтистыми конечностями враскорячку, которыми они ловко цеплялись за склоны. Они тьякали по-шакалы, скалили пасти и рычали, стоило кому-то из них задеть другого. Та тварь, что бежала впереди, вдруг заметила мортоха. Стая немедленно переменяла направление и, повизгивая от предвкушения добычи, ринулась к неповоротливой, а потому казавшейся беззащитной жертве.

– Они хотят напасть? – изумился Родрик.

Сигерд кивнул.

– Они сильны, быстры и кровожадны, но настолько глупы, что им неведомо чувство страха. Я б сказал, это огромные насекомые. Они видят еду во всём, что шевелится, и способны насыщаться без конца. Я один раз видел, как такая тварь лопнула как раздутый бычий пузырь – оттого, что не могла остановиться.

– И что же, – Родрик неуверенно хмыкнул, – мужчины Кадвана не могут справиться с кучкой безмозглых пауков?

– С этими – могут. Когда их не очень много. Но не с...

Старик замолчал.

Первая из – гиен? шакалов? Родрик не знал, как это назвать, – почти добежала до слизняка и, кажется, почуяла неладное, но было уже поздно. Из бесформенного тела мортоха стремительно вытянулся длинный красный язык – и у Родрика рот открылся от неожиданности. Мортох и не собирался хватать ту тварь – язык просто лизнул её бок, вырвав большой шмат мяса. Тварь громко заверещала, закрутилась на одном месте, разбрызгивая кровь, ковыляя, поползла в сторону – и на неё тут же набросились её сотоварищи. Клацая зубами, они в считанные мгновения разорвали её на куски. Мортох лениво потёк к пирующей стае, и твари, грозно порыкивая для виду, скрылись за холмом.

– О боги! – Сигерд вцепился в перила.

Справа, шагах в пятидесяти, с негромким скрипом отворились ворота, и из них вышла закутанная в чёрное фигура. Головы не было видно под капюшоном. В руках человек нёс высокий шест с треугольным навершием. Медленно, но решительно, он направился прямо к мортоху.

– Что он делает?! – негромко спросил Родрик.

Сигерд не ответил.

На соседней сторожевой башне мелькнула чья-то тень. Послышались крики, неразборчивая ругань, и ворота захлопнулись, оставив того человека в одиночестве. Видимо, подумал Родрик, всё же не все защитники покинули стены.

– Он сумасшедший?

Сигерд обречённо покачал головой.

– Это последователь Триединых богов. Эта секта ушла из Кадвана, и они построили себе дом где-то на восточных склонах.

Фигура в чёрном, держа шест как знамя, остановилась шагах в десяти от мортоха. Если бы у чудовища были глаза, Родрик поклялся бы, то оно лениво разглядывает жертву. Человек откинул назад капюшон, обнажив выбритую голову с торчащими сзади тоненькими косичками.

– Во имя истинных богов, – ветер донёс его громкий, слегка прерывающийся голос, – Аира, великого судии, и созданных им из самого себя братьев-сыновей: Инэ, властителя света и Белара, повелителя тьмы, заклинаю тебя: отправляйся...

Человек не договорил. Туман напал на него, внутри чавкнуло, и красное брызнуло во все стороны, как будто чьи-то огромные ладони прихлопнули большого раздувшегося от крови комара.

– Проклятье... – Родрик сглотнул.

Сигерд наклонил голову, шепча под нос.

– Преподобный! – крикнул кто-то снизу. – Они уже близко!

Сигерд очнулся.

– Пойдём, сын мой, – сказал он. – Мы должны вознести молитвы во спасение живых.

Нам предстоит долгая ночь.

С непонятным чувством Родрик последовал за монахом. Какие-то твари готовятся напасть на деревню? Так почему бы каждому крепкому мужику не взять в руки по топору и не встать на защиту своих жён и детей? Вместо того чтобы прятаться каждую зиму или как там они это называют? Эти пауки дохнут и брызжут кровью, а значит, против доброго меча не устоят. Мртох? Ну, да, странная зверюга, но раз она жрёт мясо, значит, не такая уж бес-телесная. Родрик с удовольствием бы проверил, например, горит она или нет. Чего эти люди боятся? Бояться можно всю жизнь.

Родрик угрюмо топал за преподобным Сигердом. Город был мёртв, вернее, почти мёртв: беззвучен, если не считать скрипящих на ветру вывесок, с тёмными улицами, наглухо запертыми дверями и ставнями, однако пару раз Родрик заметил полоски тусклого света в щелях.

– Похоже, не все желают прятаться в этом вашем божьем доме? – бросил он в спину монаху.

– Не все. Некоторые не желают подвергать опасности близких.

– Не понимаю.

Старик оставил его фразу без ответа.

Они вышли на площадь, пожалуй, даже обширнее той, на которой Родрика держали прикованным к столбу, с приземистым строением посередине. Родрик видел подобные в других местах. Дом был очень древен: похожий на куб, с огромными дурно обтёсанными валунами в основании, восьмигранной толстой башней в центре, окошками-бойницами – такие храмы строили первые корны. Этот был не очень велик, и Родрик подивился тому, как может хоть четверть населения Кадвана найти здесь убежище, но ему надоело задавать вопросы, не получая вразумительных ответов, и он промолчал. Перед храмом был частокол, точнее, несколько рядов острых кольев, вбитых в землю под углом – так делают, когда хотят сдержать наступление вражеской конницы. Окошки не светились – похоже, они были закрыты ставнями изнутри. Перед входом в высокой треноге, задуваемый порывами ветра, полыхал огонь.

Там стояли двое: в шлемах, кожаных колетах, один с топором, второй с мясницким ножом, оба пухлые, с животиками, похожие на испуганных торговцев. Они беспокойно топтались на месте, и было видно, что им не терпится запереть за собой двери. «Ну и вояки», – мысленно буркнул Родрик.

– Уже все здесь! – заметив прибывших, крикнул тот, что с топором. – Максен только не пришел, Вуффа, ещё кое-кто. Скорее...

Он глянул наверх и голос его осёкся. Родрик тоже непонятно зачем задрал подбородок, и тут же заморгал: с неба, словно ожидая этого момента, посыпались крупные хлопья снега.

– Что за... – начал было он, и замолчал, заметив то, на что смотрел стражник.

На стене ближайшего дома, под самой крышей, сидело нечто. С бледной зеленоватой кожей, крупной яйцообразной головой, совершенно безглазой, с треугольной дыркой носа. Торс у существа был как человеческий, только когтистые руки отличались несуразной длиной, но вот ниже пояса вместо ног змеился толстый хвост ящера. Тварь открыла рот и зашипела, высунув раздвоенный язык. Словно услышав призыв, из темноты показалась ещё одна, потом ещё. Они ползли неуклюже, цепляясь когтями за кладку, и опираясь на хвосты.

Стражники дружно охнули и юркнули внутрь храма.

– Быстрее... – Сигерд, не церемонясь, втолкнул Родрика в дом.

Те два ремесленника, торопясь, закрывали двери. Створки были новые, ясеневые, в ладонь толщиной, и запирались на три засова.

Родрик ошарашенно молчал, пытаясь уразуметь увиденное. За пятнадцать без малого лет службы он насмотрелся разного: и огромных ящериц, живущих в скалах Ллевеллина, странных двугорбых лошадей, которых Морской народ использовал в качестве вьючных животных, змей, которые могли проглотить человека – да мало ли! – но то, что было в этих местах, словно выползло из бабушкиных сказок. Родрик помотал головой, как собака, и шумно выдохнул.

Внутри храма, к его удивлению, было пусто. Он обернулся, и увидел преподобного Сигерда, который стоял за каменным столом для подношений. В руке он держал фонарь. Повинуясь его знаку, Родрик подошёл и заметил в полу открытый люк.

– Иди за мной, – сказал монах.

Внизу обнаружилась винтовая каменная лестница с крутыми покатыми ступенями, истёртыми тысячами ног. Чем ниже – тем светлее; Родрик явственно слышал многоголосый говор. После очередного поворота Родрик вслед за Сигердом нырнул в тоннель, который через десять шагов вывел их в просторное, хотя и низковатое помещение с толстыми каменными колоннами, битком забитое народом. Из держателей на колоннах торчали отчаянно чадающие факелы.

Преподобного Сигерда тотчас кто-то окликнул, и тот ушёл, предоставив Родрика самому себе. Постояв немного, Родрик медленно двинулся по центральному проходу – не в поисках места, коего было в избытке, а просто так, бездумно вертя головой. Мамаши кормили детей, старухи, сидя на полу и качаясь в такт, что-то бормотали под нос, группы мужчин переговаривались вполголоса; молодежь жалась кучками, то ли испуганная, то ли заворожённая таким приключением.

Зала, как выяснилось, была не одна: в дальнем конце обнаружился очередной тоннель, а за ним – другое помещение. Судя по размерам, подземелье занимало всё пространство под городской площадью, а может, и больше. И везде люди, сидящие и стоящие, разговаривающие и молчащие, молящиеся и спящие.

– Время пришло! – вдруг громко взвыла старуха рядом с Родриком так, что он вздрогнул он неожиданности.

– Пришло! Пришло! – Десятки голосов как по цепочке принялись передавать друг другу слово, кивая и закатывая очи к потолку.

Родрик, пронзённый внезапно мелькнувшей мыслью, замер как вкопанный.

Эирлис. А где Эирлис?!

Он судорожно огляделся, потом едва не бегом принялся обходить залу, заглядывая во все углы. Кого-то он толкал плечом, кто-то толкал его, но никто не ругался – все словно слились едином молении. Одна зала, вторая, третья... проклятье, сколько же их?! Родрик почти заблудился: залы шли не анфиладой, а как-то путано, из одной можно было попасть в две-три другие. Вдохнул облегченно, непонятно как попав в самую первую.

В дальнем конце на возвышении стоял преподобный Сигерд в окружении паствы. На стене за его спиной огоньками свечей горел треугольник, заключённый в круг.

Родрик принялся пробираться через толпу, но тут его сжали, придавили, оттащили в сторону. Люди молчали, остервенело пытались прорваться в тот самый туннель, через который вошёл Родрик, так что там образовалась давка. Он вжался в колонну, животом ощущая то самое чувство, которое охватило его при виде мортоха, и пытаясь понять, что происходит.

Под сводчатым потолком плыл туман. Не дым от факелов, а именно туман – сизый, клочковатый. Туман остановился, и вдруг, вытянувшись змеей, ринулся вниз.

Люди толкали Родрика, увлекая за собой и мешая разглядеть толком.

Толпа в ужасе подалась в стороны, образовав пустое пространство в середине залы.

Там стоял человек... или что-то похожее на человека, окружённый дымкой из сгустившегося воздуха. С омертвевшим лицом и неестественно выпученными глазами. Он дрожал всё сильнее и сильнее, а ногти на пальцах, разрывая кожу, начали расти так быстро, что Родрик

не успел бы и полкружки пива выпить, как они стали такой же длины, как сами пальцы. Его зрачки расширились настолько, что глаза почернели, рот начал уродливо раскрываться, растягиваясь едва ли не до середины груди.

– Гневом Эогабала заклинаю тебя, остановись! – громоподобно рявкнул Сигерд.

Существо обернулось, и толпа завопила. Обернулось не оно, а только его голова. И – стремительно прыгнуло, как саранча, прилепилось к потолку, побежало, ловко перебирая руками и ногами, гигантским насекомым пролезло в тёмный проход, ведущий наружу.

Толпа продолжала выть. Расталкивая людей, Родрик подбежал к монаху, дернул его за рукав.

– Святой отец! Вы видели Эирлис? Я не могу её найти!

Старик посмотрел на Родрика невидящим взглядом.

– Эирлис? Нет... она сюда не приходит.

«Вил мне в глотку». Крепко ругнувшись, Родрик выхватил из ножен меч и нырнул в тоннель с лестницей.

Глава 7. Зима

Вопреки ожиданию, за ним никто не пошёл, не рванулся, чтобы спасти от верной гибели. «Правильно, – зло усмехнулся Родрик, – бог – он за всех, а так – каждый сам за себя». Неудивительно, что все они готовы только на то, чтобы сбиться в кучу и дружно завывать от страха.

Наверху было хоть глаз выколи. Родрик постоял с минуту, привыкая, затем почти наощупь прокрался к двери и принялся осторожно поднимать засовы. И вдруг замер в раздумьях. Та тварь, или как оно называется, что вылезла сюда прямо перед ним – она вполне себе из плоти и крови, хоть и вылезла, кажись, из тумана. А значит, выбраться через закрытые двери не могла и, стало быть, сидит где-то здесь, пришипившись.

Родрик напряжно развернулся, поудобнее перехватывая рукоять меча и до рези в глазах всматриваясь в темноту. И вовремя: что-то чёрное на фоне тёмного, смрадно дохнув, полоснуло его по груди острым. Крякнув от боли – тот ожог ещё был далёк от полного заживления, – Родрик наотмашь рубанул мечом, снизу вверх. Лезвие со свистом прорезало воздух. Мимо. Где-то слева слышалось урчание: та зверюга сидела либо на потолке, либо на стене.

Родрик разозлился: что-то всё это уже несколько его утомило. За последние три-четыре дня за ним гнались с собаками, он тонул в болоте, его связывали, жгли железками, сажали на цепь, хлестали розгами. А теперь ещё этот таракан. Что же, матолух мне в глотку, думает, что он, Родрик, тварь бессловесная?!

Он не видел ни зги. Прижавшись спиной к двери, Родрик нащупал последний оставшийся засов. Резко откинул его вверх, и ужом выскользнул наружу. Сзади раздался недовольный клёкот. В дверь ударило, потом ещё раз, чуть не вывернув плечо. Собравшись с духом, Родрик на мгновение приоткрыл створку – и тут же с силой её захлопнул. Урод заверещал: его когтистая лапа бессмысленно дёргалась, зажатая дверью. Родрик с силой вонзил клинок в щель между створками; тварь завизжала, дверь ходила ходуном. Ещё раз и ещё, как в тугую свиную тушу, – кожа скрипела, лопаясь, – пока, наконец, лапа не обмякла. Отерев со лба пот, Родрик сделал шаг назад (то, что было внутри, бурдюком шлёпнулось на пол), и едва не поскользнулся на каменных ступенях.

Спину приятно похолодило ветерком. Он с изумлением покрутил головой: повсюду лежал снег, лёгкий, ослепительно белый, какой бывает в начале Утинового месяца, когда в одночасье лебяжий пух устилает площади и поля, ложится на крыши, а наутро тает без следа.

«Ну, что ж... так даже лучше». Луна и снег делали ночь почти такой же светлой, как в самых северных землях Нордмонта, когда по полгода над головой висит серое небо. Родрик внимательно огляделся: снеговой ковёр был нетронутым, без намёка на чьи-либо следы. Тишь да гладь.

Поколебавшись мгновение, Родрик выдернул из треноги уже почти догоревший факел, рывком открыл дверь – и вздрогнул от неожиданности.

Там никого не было.

Большая лужа крови на полу – и всё. Причём даже не красной, скорее чёрной.

«Проклятье...» Он же раз десять воткнул в ту тварь клинок, и ясно слышал, как она упала. Неужели выжила, сбежала?

Родрик посветил факелом. Нет, никаких следов, ничего, чтобы указывало бы на то, что тварь отползла в сторону. Будто кто-то просто вылил из бутылки глянцевую жидкость.

Сплюнув, Родрик развернулся и, внимательно поглядывая по сторонам, скорым шагом двинулся к воротам.

В городе было... тревожно, хотя он затруднился бы объяснить, почему. Звуки, шелест, чавканье, бормотанье тысяч голосов висели в воздухе. Родрик останавливался, прислушивался – и каждый раз приходил к выводу, что ему показалось. Сколько он не озирался, не видел

никого. Только пару раз издали донеслись крики, но так неразборчиво, что он не стал бы клясться, что действительно что-то слышал.

Стоп.

Стук ставней, или двери. Ещё один крик, и уже значительно ближе. Кричала женщина, точнее, не кричала, а истерично взвизгивала. Топот её деревянных сабо гулко разносился по улице, и она явно направлялась прямо к тому месту, где стоял Родрик. Он юркнул в темноту глубокого дверного проёма.

– Помогите! Помогите! – всхлипывала женщина. Она пробежала мимо: с распущенными волосами, рыдая, судорожно поддёргивая длинный подол. Родрика она не заметила.

– Эй! – негромко окликнул он, выступив из тени, и тут же остановился. По стене дома напротив ползла тварь, точно такая же, каких он видел перед храмом: безглазая, с безволосой кожей. Она открыла рот, так, будто по черепу кто-то длинно полоснул бритвой, и он треснул; пасть была похожа на провал с множеством мелких зубов. «Как же они по стенам ползают, матолух мне в глотку – с двумя-то лапами и хвостом?» Почувяв – или увидев? – Родрика, чудище зашипело, ноздри треугольной дырки на месте носа затрепетали, принюхиваясь.

– Помогите! – пискнула женщина. Она тоже остановилась, вжалась в стену.

Родрик легко подвигал кистью. Длинное лезвие сверкнуло отражённым светом. Меч был на удивление неплохой: удобный и послушный. Но с его собственным, который он спрятал в хижине Эирлис, конечно, не сравнится.

В животе сладко замирало: как тогда, в детстве, когда он на спор сиганул в речку с высоты тридцати футов. С такой зверюгой ему сталкиваться ещё не приходилось: от морды до кончика хвоста не меньше четырёх шагов, и пасть, в которую с лёгкостью залезет Родрикова голова.

– Ну, урод, давай, потанцуем...

Тварь прыгнула, широко расставив руки: от тыльной стороны плеч к бокам, внезапно раскрывшись, образовались перепончатые крылья, как у летучей мыши. Родрик упал, откатился в сторону, попутно рубанув мечом – этот ящер вёл себя как тупой громила, который, занеся дубину над головой, рвётся в бой, открывая врагу всё тело. Глупое животное пролетело прямо над ним и свалилось на мостовую, яростно вереща и разбрызгивая капли зеленоватой крови. Родрик глубоко перерубил его правую лапу, и та бессильно болталась на кожистой перепонке.

Тварь попыталась взлететь – у неё не получилось. Она скакала, крутясь на месте, похожая на муху, у которой оторвали одно крыло, била хвостом. Родрик поднял меч и ринулся вперёд.

– Нет!!! – истошно завопила та женщина. Она бросилась ему наперерез, вцепилась в руку, так, что Родрик едва удержал равновесие. – Не надо!

Ящер, скуля, нырнул в тень – и пропал.

Родрик стряхнул с себя ноющую бабу. Та упала на колени, причитая.

– Да что здесь у вас творится такое?! – рявкнул он. Женщина не отвечала. Её плечи сотрясались от рыданий.

Родрик покачал головой. Она что – дура?! Почему – не надо? Эта тварь минуту назад хотела её сожрать!

– Эй, – шумно выдохнув, буркнул он, – топай скорее в свой божий дом. Дорога свободна.

Прежде чем свернуть в очередной проулок, он оглянулся. Та женщина продолжала стоять на коленях и плакать. Пожав плечами, Родрик пустился бежать.

По дороге пару раз свернул не в ту сторону, оказываясь в тупиках – всё же он не очень хорошо запомнил дорогу. С лёгким удивлением уставился на ворота: они были приоткрыты, а запирающая их поперечная балка валялась тут же. Он помнил, что сразу после того, как тот фанатик, последователь какого-то Аира и его братьев-богов, вышел из города, ворота закрыли. Вряд ли нашёлся бы безумец, который решил впустить в Кадван сонмище тварей из леса. «Хотя, – подумал он, – может, не впустить, а наоборот – бежать от тех, что уже пробрались внутрь?»

Неважно.

Родрик на минуту застыл у дверей, разглядывая окрестности через щелку. Там была зима, не более того: ночь и тишина, нарушаемая лишь далёким скрипом деревьев. Ни мортохов, ни тех крокодило-шакалов, никого. Чернота, пронизывающий, но до странности неслышный ветер. И мириады белых пушинок, крутящихся в воздухе.

Родрику было холодно. Рубаха, ещё с утра такая чистенькая, намокнув от снега и грязи, липла к спине.

Эх, Эирлис, глупая девчонка! Какого дьявола она сидит в своей хижине, раз тут такое? Хотя это ещё бабушка надвое сказала, где безопаснее, подумал Родрик, вспомнив подвал-крепость под её домом. Да и Гаран там, хотя сейчас он скорее обуза, чем подмога. Наверное, не захотела его оставлять. Храбрая девочка, он, Родрик, ей обязан. Жизнью. Сидеть среди баб и ждать до утра – нет, такое у физиков не в чести.

Согласившись сам с собой, он проскользнул за ворота.

* * *

Родрик остановился за деревом.

Дверь хижины была закрыта, наружный засов опущен.

«Слава богам». Раз дверь заперта изнутри, и так тихо, они, скорее всего, схоронились в подвале.

На мохнатых лапах елей лежал снег. Хорошо, хоть ветра в лесу не было, а то Родрик уже замучался выбивать зубами дробь. Перехватив меч поудобнее, он на цыпочках прокрался к двери, хрустя опавшей хвоей, легко её подёргал. Так и есть – заперта.

– Эирлис! – тихонько позвал он. – Это я, Родрик.

Тишина. Проклятье.

– Эирлис!

«Они не услышат, раз в подполе сидят». А орать во всю глотку себе дороже: мало ли, кто из леса может набежать. Родрик потоптался на месте, раздумывая. Ночь почти на исходе, и можно было бы здесь утра дожидаться, если бы не такой холод. Или отправиться в Кадван? Когда двигаешься, не так зябко, но, с другой стороны, сейчас ему повезло, а если на обратном пути он наткнётся на стаю тех здоровенных гиен, то их может оказаться многовато для одного меча.

«Ладно, рискнём». Этот клинок неплох, но жаль, что у него нет его собственного: тонкого, острого, лёгкого как пёрышко, и тяжёлого как секира. Родрик решительно повернулся к дому спиной – и замер.

Крик. Из хижины.

Как раз такой, как если бы кричащий находился за толстой дверью. Или в подвале. Кругом такая тишь, что ошибки быть не могло.

Родрик постучал кулаком.

– Эй, откройте!

Приглушенный шум, возня и опять крик.

Родрик ударил в дверь плечом, раз, другой. Она скрипела, но стояла как каменная. «Вил подери этих кадванцев – понастроили крепостей! Да только, видать, не шибко запоры помогают». Из небольшой поленницы, что лежала возле дома, Родрик выхватил чурбак помощнее, и что было силы принялся колотить по двери. Десять-пятнадцать-двадцать ударов – и толстая щеколда на той стороне треснула, либо просто вылетела из петель.

Выставив перед собой клинок, Родрик влетел в хижину. Крышка подпола была открыта, оттуда лился едва заметный свет от лучины, а за края отверстия отчаянно цеплялись пальцы.

– Родрик! – пискнула Эирлис.

Родрик одним прыжком подскочил к лазу, схватил её левой рукой за запястье, дёрнул изо всех сил. Снизу послышалось хриплое урчание. Эирлис завизжала, а сам Родрик бухнулся на колени, едва удержавшись на краю. Кто-то тянул Эирлис вниз.

– Держись! – рявкнул он.

Эирлис отчаянно ухватила за его ремень. Разглядев под ней чёрную тень, Родрик почти не глядя ткнул мечом – и повалился назад. Эирлис, помогая себе руками и ногами, как пробка вылетела вслед за ним, резво поползла на четвереньках. Внизу зарычало.

Родрик судорожно шарил вокруг – кажется, он уронил меч в подвал. Вслед за Эирлис тоже едва не на карачках он ринулся к топчану. Его меч лежал там, в целости и сохранности. Родрик выдернул клинок из ножен, стремительно развернулся – и вовремя. Из лаза, ведущего в подпол, выползло нечто. С двухгодовалую свинью размером, десятком паучьих лап и бугристой бородавчатой мордой. Большие выпученные глаза без век, каждое с куриное яйцо, дико зыркали в стороны, каждое само по себе. Пасть раскрылась, показав клюв как у осьминога, оглушив Родрика хриплым свистом. Там, докуда он, по всей видимости, достал мечом, зияла красным колотая рана. Увидев Родрика, паук зашипел и задёргался, пытаясь протиснуть грузную тушу в отверстие.

Чудище верещало так, что у него закладывало уши. Пролезть у твари не получалось. Поплевав на ладони, Родрик обеими руками взялся за рукоять, и как дровосек обрушил длинное лезвие на голову монстра. Та лопнула словно переспелый арбуз, забрызгав всё вокруг липким соком. Тело паука обмякло и, ломая перекладыны лестницы, бурдюком шлёпнулось вниз.

Отплёвываясь, Родрик ногой поддел крышку люка; та с грохотом захлопнулась. Потом ринулся к двери, которая открытой болталась на кожаных петлях. Запер, подпёр чурбаком. Постоял немного, прислушиваясь и восстанавливая дыхание, потом запалил очаг. Это получилось сделать не сразу: кремень, зажатый дрожащими от напряжения пальцами, никак не хотел попадать по кресалу.

– Где Гаран? – гаркнул он. Эирлис сидела на полу в уголке, обхватив колени руками и тихонько всхлипывая. – Откуда эта тварь внизу взялась?

Эирлис подняла голову.

– Как, мать твою, она туда попала, ежели вылезти не может?!

По её щекам текли слёзы, а огромные глаза смотрели так испуганно, что Родрик устыдился своего крика. Девица-то девицей, но кроха ещё совсем. Не отрывая от него взгляда, она подняла руки и, отделив прядь волос, принялась быстро-быстро плести тоненькую косичку.

– Что ты делаешь?

Она замерла.

– Не знаю. Я, когда волнуюсь, начинаю косичку заплетать. Само собой получается. Глупо, конечно.

Родрик улыбнулся. Подошёл и ласково потрепал её и без того взлохмаченную шевелюру. Рука у него дрожала.

– Не бойся. Всё хорошо. Так где Гаран?

Эирлис шмыгнула носом.

– Он... ушёл.

– То есть как ушёл?! Когда?

Она слабо махнула рукой.

– Просто ушёл.

Эирлис поднялась, придерживая платье – сбоку на нём виднелась прореха едва не до середины бедра. Нога была исцарапана: три длинных борозды от когтей той твари. Эирлис взяла тряпку, смочила её в ведре с водой и, закусив губу, принялась смывать капельки крови. Родрик глянул искоса, тут же заставив себя отвести взгляд. Нога была такая... стройная. Слава богам, просто царапины. Жаль было бы портить такую красоту.

– Он был твоим другом? – спросила она.

– Ну, не совсем... – Родрик слегка замешкался. – Скажу так: мы были знакомы.

Эирлис кивнула.

– Я так и думала. Тем более не стоит расстраиваться. Он был плохим человеком.

– С чего ты взяла?

– Я знаю.

Родрик недовольно фыркнул.

– Знает она... слышали, как же. Вам, бабам, и знать ничего не надо для того, чтобы знать. Вам всё от рождения ведомо. – Он помолчал немного. – В подвале была только одна такая тварь?

– Да. – Эирлис посмотрела на него как-то странно. – Одна. Двум взяться неоткуда. Но не бойся – теперь её нет.

– Как так – нет?

Эирлис пожалала плечами. Родрик подскочил к люку, рывком открыл крышку. Нагнулся, всматриваясь. Лучина мерцала, потухая. Он слышал, как тот паук падал вниз, судя по звуку – ломая лестницу. У лестницы действительно не хватало перекладин, обломки которых валялись на полу среди лужиц и вонючих брызг крови. И правда – никого.

– Да пусть Вил сожрёт меня со всеми потрохами! – взъярился Родрик. Тот урод в храме – он тоже исчез после того, как Родрик его убил. – Куда он делся?! Тот паук?

Эирлис тихонько вздохнула.

– Если их убить, они... тают. И больше никогда не возвращаются. Ты не знал этого?

– Проклятье. – Родрик уселся на чурбак. Его едва ли не трясло. – У меня тут с вами мозги скоро потекут. Ясен пень, что не возвращаются. А то обычно-то как бывает: приберёшь кого-нибудь, а он откуда ни возьмись – опять как новый...

Эирлис не ответила. Родрик посидел ещё немного, пытаясь уразуметь услышанное и увиденное.

– Проклятье, – повторил он. – Я хочу выпить.

Девушка встрепенулась.

– Сейчас.

Она торопливо ринулась было к лазу, потом, вспомнив, обратно к столу, взяла небольшой кувшин – и опять к лазу. Её голые ноги мелькали перед глазами Родрика.

– Вот, возьми. – Она протянула глиняную кружку. Родрику подумалось, что если сейчас он прикажет ей станцевать гальярду, когда народ скачет, как ошалелый, она даже мгновения сомневаться не будет.

– Это не тот... туйон? – пробурчал он.

Эирлис улыбнулась.

– Нет. Но тоже крепкий. – Она уселась на топчан. – Уже утро скоро. Нам надо отдохнуть.

Родрик неопределённо повёл плечом. Угли в очаге мерцали красным, притягивая взгляд.

– Если хочешь, – закончила Эирлис, – можешь лечь со мной. Кровать широкая, места хватит.

– Нет, – пробормотал Родрик. – Я посижу немного.

– Хорошо. Спокойной ночи.

Эирлис улеглась на топчан, повернувшись к Родрику спиной.

– Знаешь, – сказал он, глянув краем глаза, – а ты храбрая.

Послышался вздох.

– Просто... до этой ночи они никогда меня не трогали. – Она помолчала немного. – Потому что безгрешная. Была.

– Была? А сейчас уже нет?

– Сейчас нет.

– И что ж такого случилось за эти пару часов?

– Да так...

Родрик удручённо покачал головой. Он опять ничего не понял. То есть твари обходили её дом стороной? Что это такое, что каждый месяц – или зиму? – вылезит из темноты? Или он спит и всё это ему снится?

Interludium. Алун

Алун Максен, тяжело задумавшись, сидел на табурете. Трактирщик был в грубых сапогах до колен, шерстяных штанах, коротком полушубке и меховой шапке, хотя в подполе было тепло, почти жарко. У стены стоял посох с обитым медью концом, при случае пригодный и как оружие. Возле табурета, небрежно брошенный, лежал походный мешок.

На крышке раскрытого сундука висел старый жилет. Прокашлявшись, Алун протянул руку и достал из кармана жилета сложенный напополам лист тонкого пергамента, такого старого и сухого, что казалось, что он может рассыпаться от одного прикосновения.

И жилет, и листок были не его.

Давно, очень давно, зим пятьдесят или шестьдесят назад, он убил человека.

Нездешнего.

Это была случайность. Он просто бродил по кромке леса в поисках краснокорня и прочей вкусной зелени, и так увлёкся, что спохватился только когда из-за сгустившейся темноты стало сложно отличить одно растение от другого. И более того – сам не зная как, Алун оказался почти на краю Топи.

Он в сердцах ругнулся. «Ещё бы пара-другая шагов и...» Что случилось бы ужасного после пары шагов, он, собственно, сказать не мог. Деревьев тут уже не росло, бережок, устланный толстым скользким ковром прелых листьев, резко шёл под уклон. Наверное, шлёпнулся бы в жижу, глянцево черневшую у ног, не более того. И всё же Алуну стало не по себе. До пятнадцатого дня ещё оставалось не меньше шести-семи ночей, но темнота сама по себе, да ещё на болоте, выдавливала струйки холодного пота на спине. Бросив взгляд туда, где болото сливалось с таким же по цвету туманом (всего-то шагах в тридцати), Алун сплюнул, развернулся, как вдруг звук привлёк его внимание. Не кулик, не цапля, не журавль... вообще не птица. Он вздрогнул всем телом, внезапно осознав, что источник звука находится совсем рядом, у кромки воды. Какое-то... короткое карканье.

Пудобнее перехватив посох (предшественник нынешнего, тоже с медным концом), Алун сделал шаг вперед, и тут что-то с силой ухватило его за щиколотку. Трактирщик взвизгнул едва ли не по-бабски и с силой вонзил в воду заточенный оконечник. Нечто показалось из воды с хрипом, но ногу не отпустило. Отбросив корзинку в сторону, Алун ударил ещё раз и ещё. «Не... на того... напала, тварь», – бормотал он между ударами.

Нечто затихло. Алун присел на корточки, пытаясь отдышаться. «Рыба... здоровенная», подумал он, сразу обругав себя за тупость. Ага, рыба схватила его за ногу.

Он пошарил в поясном кошелье, запалил трут, и тут же выронил его в испуге. Оно лежало, скрытое тёмной водой, и мгновенная вспышка огня осветила торчащую над поверхностью кисть руки. Вполне себе человеческую. Он поднял трут, раздул огонь.

Рука, как есть рука.

Торопясь, Алун сгрёб в кучу ветки, сухую траву и зажёл костерок. Осторожно, стараясь не поскользнуться, нашарил в воде другим концом посоха и не без труда вытянул на берег... человека. Тот был мёртв как дважды-два: из нескольких ударов не меньше двух-трёх пришлись по голове. Алун поднял повыше ярко полыхавшую смолистую ветку. Покойник был весь в грязи, штанах чуть ниже колен и когда-то меховом жилете на голое тело. Очень тощее тело, надо признать – будто человек не ел не то, что неделю, а куда дольше. «Как он добрался-то сюда? По воде аки посуху?» Алун стянул с него жилет, внимательно осмотрел: ни чешуи, ничего животного или чудовищного. Просто человек с торчащими рёбрами. Просто голодный человек, пришедший из-за Топи. Алун замер, пронзённый мыслью.

Я убил человека.

Теперь они придут за мной.

Дрожащими руками, то пятернями, то помогая себе ножом, Алун выкопал яму, благо почва ближе к берегу была мягкой и илистой, бросил туда мертвеца и закопал, щедро насыпав сверху земли и листьев.

Никто не видел. И они не видели. Потому что для них не время ещё.

Он рыл и рыл землю, торопясь, и как заклинание мысленно повторяя раз за разом последнюю мысль: они не видели, для них ещё не время, не видели, не видели.

И только дома, хлопнув дверью и крикнув жене (благо, та возилась на кухне), что спустится в подпол по некоей надобности, обнаружил, что зачем-то прихватил с собой ту самую жилетку. Алун в ужасе зашвырнул её в самый тёмный угол, придвинул ящик: «Надо будет сжечь как-нибудь». Остервенело мыл руки водой из бочки, вычищал въевшуюся болотную грязь. Айри ничего не заметила. А наутро, едва дождавшись, когда она отправится на рынок, отодвинул ящик и достал жилетку с твёрдым намерением бросить её в печь. Но почему-то не сделал этого.

Когда-то жилет был дорогим, явно дорогим: со стёршейся серебряной вышивкой и металлическими пуговицами. А в кармане лежал тот самый пергамент – мокрый, грязный, но на нём что-то было. Спрятав жилет в сундук с всяким хламом, Алун тщательно очистил и высушил тонкий клочок кожи. Увы, вода сделала своё дело и половины написанного было уже не разобрать, а другая половина расплылась едва видимыми буквами и линиями.

Это была карта размером в две ладони, в середине которой под несколькими схематично изображёнными домиками было ясно написано: «Кадван». А чуть выше и левее – ещё домики с надписью «Подгорье» и нависавшей с севера безымянной горной цепью. «Норд...», а дальше непонятно. И, что больше всего потрясло Алуну, из Кадвана вели дороги. В то самое Подгорье, и ещё три в другие места, чьи изображения и названия он, как не силился, не смог прочесть. Старая карта, очень старая, решил он. По всей видимости, ещё из тех времён, когда тень пока не овладела миром.

Высушив и бережно сложив пергамент, Алун спрятал его в тот же сундук, но иногда, с течением времени всё реже и реже, доставал и рассматривал заново, предаваясь пустым думам о временах давно минувших. Расстояний карта не указывала, но имела чётко обозначенные стороны света: справа солнце вставало, слева – заходило. То есть, если отправиться из Кадвана на север, думал он, и чуть забирая к западу, то вскоре можно достичь Подгорья. Можно было бы. Когда-то. Если бы (тут Алун тяжело вздохнул) твари Виловы не расплодились по всему свету и не пожрали бы весь божий мир и род людской, и не простиралась бы топь до бесконечности, до самого края круга земного, низвергая там воду и грязь в бездонную пропасть, кишашую чудищами.

А дня четыре тому назад, когда он, по своему обыкновению, стоял за стойкой и тёр полотенцем и без того чистые кружки, он краем уха услышал, как Пибба рассказывал о несостоявшемся изгнании дьявола из тела того незнакомца. Уже после того, как в кузне появился почтенный Сигерд, Пибба, притаившись за дверью, уловил кое-какие из слов пришельца.

При слове «Подгорье» Алун выронил кружку, чего с ним отродясь не случалось. Высокий глиняный сосуд от удара о каменный пол разлетелся вдребезги. Айри посмотрела на мужа укоризненно, но он ей даже ничего не сказал. Мозг в его голове тоже грозил лопнуть с треском. «Тот Родрик пришёл из Подгорья. Всего несколько дней как». Рассказал он обо всём Айри только на следующий вечер, когда она, заметив необъяснимо странное поведение мужа, припёрла его к стенке.

* * *

Айри стояла у двери, привалившись к косяку. Руки нервно теребили передник, а покрасневшие глаза выдавали недавние слёзы.

– Может, всё же передумаешь? – тихо спросил Алун.

Она грустно покачала головой, глянув на детскую кроватку в дальнем углу.

– С сыном на руках... через Топь... нет.

– Я... – начал было трактирщик, но она бросилась к нему на шею, уже не сдерживая рыданий.

– Почему сейчас? Почему так скоро?

Алун крепко обнял жену одной рукой, другой поглаживая по голове.

– Уже не могу больше... я должен. Уж столько зим живу как тварь дрожащая, в подполе запираюсь. Каждый раз жду, что случится что-то. Ты сама-то не устала?

Айри всхлипнула.

– Сейчас утро уже, – продолжил Алун, – а это значит, что пятнадцать дней впереди. Чистых дней. Уж что-нибудь да найду. Почтеннейший не знает, а я – знаю, куда идти. И если тот незнакомец не лжёт, а я чувствую, что не лжёт, я найду туда дорогу. Жаль только, поговорить с ним не получилось. А ежели найду – знать буду, что не обращусь здесь в зверя Вилова, а жить буду, как человек. Молиться не о защите от чудовищ, а об урожае, здоровье, детках хороших. И помру, как человек.

– А если показать Сигерду карту?

– Нет. Ты же его знаешь. Он не поверит, он всю жизнь в Топи провёл, всё вокруг исходил. Да и не смогу я ему объяснить, откуда она у меня. Он же как посмотрит – словно сверлом сверлит.

Айри вздохнула. Руки её дрожали.

– Ты... вернёшься за мной... за нами? – прошептала она.

Алун нежно поцеловал жену в лоб.

– Конечно.

Айри едва заметно кивнула и, отстранившись, подала мужу котомку.

– Я буду ждать.

– Я вернусь. – Алун попытался ободряюще улыбнуться, но у него не получилось. – Прощай, любовь моя.

Не глядя на жену, он переступил через порог.

Глава 8. Плуг и борозда

Родрик проснулся, прокашлялся, повернул затёкшую шею. Он заснул, как сидел, на чурбаке, привалившись к стене. На дворе было уже утро – да, точно утро: снаружи громко верещали птицы. Родрик встрепенулся: надо же. Далёкие крики чибисов и ещё каких-то птах. Будто весна, право слово: в Нордмонте, как только появлялись первые проталины, почти сразу отовсюду слышалось ихнее «кыбы-кууыб, кыбы-куууыб».

Очаг уже давно погас, и в доме было немного зябко.

Дверь открылась и вошла Эирлис, свежая и весёлая, с ведром воды.

– Добрый день!

Своё платье она уже успела заштопать.

– Если пару хворостин принесёшь, обед скоро будет.

Обед? Родрик кивнул.

Там и правда была весна. Родрик изумлённо крутил головой, раздувая ноздри, как гончая, вдыхая свежий воздух, потоптался по влажной ещё земле. Густо пахло папоротником; тучи насекомых носились в косых солнечных лучах. Ни намёка на снег; голубое небо, яркое солнце. Кто бы подумал, что только прошлым вечером тут такие сугробы лежали.

И никакое не утро: солнце уже насаживалось на вершины горных пиков. Проспал он долго.

Раздувая огонь, мельком поглядывал на девушку. Эирлис стояла у стола, ловко орудуя ножом, закусив от старания земляничные губки. Чудо, как хороша. Не может быть, чтоб ей много раз по десять лет. От силы лет семнадцать. Или около того.

– Почему одна живёшь?

Она пожала плечами.

– Привыкла. Тут матушка и батюшка мои жили, это их хижина. А мне куда податься? Только в чужой дом, а я не готова ещё.

– Давно умерли?

– Давно. Я и не помню уже.

Родрик наморщил лоб, соображая. Что-то там такое бормотал тот святоша – Бревальд, что ли? – «пришелец и дочь пришелицы».

– Так твоя мать не из этих мест?

– Да. Отец Сигерд говорил, что уж и не знаю, сколько зим назад, она сюда пришла, ещё девочкой. Заблудилась на болотах, совсем худая была, почти умерла, а Сигерд её нашёл. В Кадван на руках принёс, выходил. Ну, а как подросла, батюшка её женой взял.

– А откуда пришла?

– Не знаю. Но теперь знаю, что круг земной больше, чем люди сказывают. И хочу узнать, какой он. – Она исподлобья взглянула на Родрика. – Ты мне покажешь?

– Э... – протянул он. – Да. Непременно.

«Разумеется». Круг земной, хм. Здешний люд, кажется, думает, что за болотами ничего нет. А он, Родрик, вовсе не намерен здесь всю жизнь торчать: пару дней, самое большее. Девка, похоже, не такая уж блаженная, как поначалу показалось.

– Тяжело, наверное, одной?

Эирлис фыркнула.

– Да как сказать... дров наколоть охотники находятся. А остальное и сама могу. Зато никому ничего не должна.

– Охотники? В очередь выстраиваются?

Эирлис звонко рассмеялась. Дунула на рыжую прядь, упавшую на лоб.

– А тебе-то что? Садись. Поедим, а потом – в Кадван. Там сегодня праздник.

Завтрак был безыскусственный, но Родрик слопал всё за милую душу: три сваренных вкрутую яйца в бурой скорлупе, ложка овсяной каши на дне миски и несколько ломтиков аккуратно напластованного бекона. Маловато, что и говорить, но Родрик почему-то решил, что просить добавки неудобно. И так девка не из богатых.

– Что за праздник?

– Как обычно, по весне. Только смотри у меня, – она шутливо погрозила ему пальцем, – девчонок у нас много, но ты – мой. Ты мне ещё должен большой круг показать, для того тебя и спасла.

Родрик фыркнул.

– Договорились.

Эирлис взяла пустую чашку и помчалась к ручью – мыть, а Родрик принялся придирчиво осматривать свой меч. С тем ничего не сделалось, и Родрик, удовлетворённо кивнув сам себе, тщательно вытер клинок пучком соломы, затем отполировал тряпицей. Может, конечно, оно всё и кончилось, но пока что он не испытывал горячего желания выпускать оружие из рук.

Вдоволь налюбовавшись матово поблёскивающим лезвием, Родрик, держа меч наготове, рывком откинул крышку подпола. Там было тихо и темно, как в могиле. За неимением лучшего Родрик запалил лучину внутри странного на вид светильника – из красной глины, с искусно вырезанными фигурками, – и полез вниз. Вовремя вспомнив, что нижних ступенек у лестницы не хватает, ловко спрыгнул. Задумчиво осмотрелся, поворачиваясь то вправо, то влево. Никого. Медленно обошёл весь подпол, придирчиво вглядываясь.

Толстые доски, которыми были обиты стены, стояли монолитом. Совершенно непонятно, как та тварь, что цеплялась Эирлис за ногу, суда пробралась. Разве что какая-нибудь нора? Озаботившись этой мыслью, Родрик согнулся в три погибели и начал светить по углам в поисках прохода. Замер, поражённый. У тюфяка на полу валялись сапоги Гарана.

– Матолух мне в глотку, – пробормотал Родрик.

Гаран сбежал босиком? По грязи, по холоду? Всё может быть, конечно, с перепугу люди и не такие фортели выкидывают. Где он сейчас, интересно? Неужто в болота понесло? Ну, ничего, даст бог, отсидится в кустах, вернётся.

Родрик уже начал сомневаться в собственном благоразумии. Звери здесь, конечно, странные, дико страшные, но всего лишь звери, говорят, и не такие бывают. За Гриммельном, скажут, водятся дхарги: козлоногие, свиномордые – и в то же время вроде людей, разговаривать умеют. С другой стороны – туман, при приближении которого в животе появлялось такое чувство, словно там бабочки летают; то, что убитые твари исчезают, будто испаряются – тут впору поверить в гарановские небылицы о всяких потусторонних силах. Мозги Родрика просто отказывались понять, как тело жирного мерзкого паука, убитого мечом, могло пропасть без следа, учитывая, что Родрик спал, уперев ноги в эту самую крышку от погреба. Да и там, в церкви, тот урод с головой наизнанку тоже пропал.

Снаружи слышались голоса, и Родрик, заинтересовавшись, торопливо выбрался наверх, и приоткрыл дверь. Во дворе стояла Эирлис и шумно общалась с какой-то девицей с длинной русой косой.

– Пойдём, пойдём! – возбуждённо верещала последняя, пытаюсь ухватить Эирлис за руку. – Без тебя не хотят начинать. Нынче ты должна плуг тащить. А ещё Магвен, Аннес – все наши уж там.

– Не буду я ничего тащить! – Эирлис упрямо прятала руку за спину. – Есть у меня теперь мужчина.

– Э, ну, нет! – радостно пискнула русоволосая. – Сама знаешь: пробная ночь и общая кровать – разные вещи! Все знают! Надо же, какая выискалась: сама-то смехом заливалась, когда я тащила, а теперь – в кусты? Давай, давай! А иначе вообще в деревню не пустят.

Эирлис обиженно шмыгнула носом.

– Ладно. – И тут заметила Родрика.

Та, с косой, тоже повернулась и шаловливо хихикнула. Она была примерно того же возраста, что и Эирлис, с чуть раскосыми глазами и ямочками на щеках.

– Привет! – И умчалась как ветерок.

Родрик вышел из дома.

– Кто это?

– Сворн. Подружка моя.

– А что за плуг?

Эирлис отмахнулась.

– Да ну их. Это забава такая. Пойдём.

Не глядя на Родрика, она направилась в сторону Кадвана.

– Стой... дверь не надо запирать?

Эирлис неопределённо мотнула головой. Родрик, торопливо приладив ножны к ремню, зашагал вслед за ней.

Погода стояла чуждая, совсем как вчера утром, когда у него от поздневесеннего солнца взмокла спина. За ручьём над разбухшей от влаги землёй взад и вперёд носились кулики: мерно взмахивая тупыми крыльями, крича, перевёртываясь с боку на бок или даже кверху брюшком, кидаясь камнем. Эирлис спускалась с пригорка, подобрав юбку, ловко пробираясь между кустов боярышника. Копна рыжих волос мерно подрагивала в такт походке.

– Эй, а всё же... что за забава?

– Да незамужних в плуг впрягают, и в пруд гонят, а народ вокруг гогочет. Это вроде как весь год пахаря искала, который бы борозду провёл, да не нашла. А воду вспахать нельзя, так что давай, милая, старайся.

Родрик слегка смешался.

– М-м... ну, хочешь, я им скажу... – Он замолчал.

Эирлис на ходу обернулась, сверкнув искорками глаз.

– Что скажешь? Да ладно тебе. Это весело. Вчера Сворн тащила, сегодня – я. – Она беззаботно тряхнула волосами. – Жаль только, платье всё опять измочалят. А у меня нет больше.

– Я тебе новое куплю, – решительно заявил Родрик.

– Вот так да! – развеселилась Эирлис. – Богач, что ли? Ну, купи! – И помчалась вниз по склону. – Давай быстрее!

* * *

Ворота Кадвана были распахнуты настежь, а чуть левее, на обширном лугу, среди каких-то столбов с ленточками и телег, пьяно хохоча, толпился народ. Две группы музыкантов по обе стороны луга дудели в шевреты и били в барабаны, словно стараясь заглушить друг друга. К стенам селения лепились строения: то ли склады, то ли что-то подобное; весь луг был заставлен великим множеством палаток: с бочками, из которых веселыми струйками тёк эль, жаровнями, над которыми вились аппетитно пахнущие дымки.

Родрик поразился: почти все были в масках: красных, синих, зелёных, скрывавших лица до половины или целиком, некоторые в плащах с капюшонами, таких, что даже не разобрать – мужчина или женщина.

– Зачем это? – спросил он, вернее, крикнул, ибо шум стоял такой, что закладывало уши.

Эирлис обернулась, и он, поясняя, рукой прикрыл пол-лица.

– Так не каждый хочет, чтоб его узнали! – весело откликнулась девушка. – Меч зачем взял? Не надо уже! Весна!

Родрик промычал что-то невразумительное, но Эирлис не слушала. Её позвали, и она, махнув рукой, резво свернула в сторону, затерявшись в толпе и оставив Родрика одного. Впро-

чем, не совсем одного: его пихали со всех сторон, кричали в уши, дергали за руки, а он стоял, открыв рот.

На небольшом открытом пространстве сражались двое, вернее, четверо: девушка, сидящая на плечах парня и парень верхом на девушке. Или не сражались (Родрик только покачал головой, изумившись такой странной игре): нижние пытались поцеловаться, и тогда верхние что есть силы толкались руками и ногами, мешая им, и то же самое делали нижние, когда наездники стремились сблизиться. Народ вокруг хохотал, держась за животы, и нестройными воплями подбадривал участников.

Кто-то сунул Родрику в руку большую кружку, и он не глядя отхлебнул, почувствовав незабываемый привкус того самого туйона. Н-да, весело.

Те четверо под всеобщее ликование повалились на землю, образовав кучу-малу, кто-то принялся зазывать новых желающих, и Родрик побрёл дальше. «Пир во время чумы, не иначе». Народ то ли радовался жизни, то ли стремился надраться, чтобы забыть о прошедшей ночи. Темнело на глазах; там и сям зажигались костры, и целые снопы искр вздымались в небо.

Здесь танцевали: под неистовые завывания трехструнных ребеков все кружились и прыгали, высоко вздёргивая ноги; неподалёку образовался «ручеек»: кавалер, пробегая под тоннелем из соединённых рук, выхватывал понравившуюся даму, и они становились впереди; тот, кто остался без пары, сам нырял в тоннель.

Полог большой палатки рядом распахнулся, лизнув Родрика языком красноватого света и выдохнув мешанину горячих запахов жареного мяса, пива, чеснока и тимьяна. Родрик с унылой безнадежностью пошарил в карманах и, мысленно вздохнув, уже собрался было идти дальше, но тут на его плечо легла рука. Родрик непроизвольно дёрнулся, потянувшись к рукояти меча, и рука дрогнула, хотя и не убралась.

– Эй, ты чего, друг?!

Голос принадлежал небритому мужичку с глазами навывкате и вороньим гнездом на голове. Пахло от него тем же набором, что из палатки.

– Что? – буркнул Родрик.

– Ты ж этот... как там... Седрик?

– Ну, почти, – миролюбиво согласился Родрик. «За зря человека напугал». На лице мужичка играла пьяно-восторженная улыбка.

– Я тебе должен, друг, – с энтузиазмом сообщил он. – Мари тебя найти велела и в пояс кланяться. Да я и сам... – он громко икнул и вцепился Родрику в рукав. – Это... я угощаю. И отнекиваться даже не думай.

Мужичка сильно качнуло и Родрик подхватил его.

– Мари? Что за Мари?

– Сестричка моя. Я отлить выходил, а тут ты... повезло, так повезло. И искать не надо. Пошли.

Желудок Родрика радостно проснулся и что-то зажурчал, убеждая хозяина, что отказываться нет никакого резона, а ноги сами собой сделали шаг к палатке.

Импровизированный трактир был забит народом доверху. У парусиновых стен рядом стояли столы, а за ними – вопящая, поющая, чокающаяся кружками и целующаяся толпа. На каждом столе в глиняной плошке имелось по толстой свече. Очага Родрик тут не заметил: наверное, готовили где-то снаружи. Новообретённый знакомый усадил его на скамейку, и спустя всего пару минут на столе дымился деревянный поднос с пирогами и большой кувшин эля. Пироги оказались с птицей, и очень горячие. Родрик с удовольствием вгрызся зубами в божественную снедь, краем уха слушая того мужичка. Кажется, никого больше его персона тут не интересовала, чему Родрик был несказанно рад: он даже сообразить не мог, как рассказывать про то, как он шёл, куда шёл, зачем шёл, и как тут оказался. Похоже у местного люда были

свои, очень своеобразные представления о Топи. А спорить и что-то доказывать у Родрика охоты не было.

Мужичка звали Тэрвел, и это обстоятельство немало Родрика позабавило: в восточных землях Нордмонта это имя означало что-то вроде «сына принца».

– Сидели они, значит, запершись, – вещал «принц» изрядно заплетающимся языком, – как вдруг Гвилима трести начало как припадочного. А я уж давно Маришке говорил: уходить от него надо. Непутёвый был с самого начала: ни денег, ни охоты работать. Один раз даже стащил те медяки, что она с рынка принесла, да пропил. Так она еле-еле успела в дверь вынырнуть, а он – за ней.

«Так». Родрик даже перестал жевать, пытаясь осмыслить услышанное.

«Некоторые не желают подвергать опасности близких», сказал тогда Сигерд в ответ на вопрос, почему не все жители прячутся в храме, а запираются в домах. Потом – какие-то непонятные зверюги, появившиеся из леса. И, наконец, оруще-визжащая баба, которая убегала от хвостатого зверя, и слёзно умолявшая Родрика того зверя не убивать.

Тэрвел продолжал что-то бормотать, пьяно засыпая, но Родрик уже не слушал. По всей видимости, существовала какая-то связь между непутёвым муженьком той самой Мари и нападением на неё хвостатой твари, но эту связь Родрик пока был не в состоянии уразуметь. И куда делся этот самый Гвилим, который, по словам «принца», выбежал из дома вслед за женой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.